

Отдел 13. О церковных требах протоиерей Григорий Дьяченко

Беседа №1. О молитве жене, повнегда родити отроча в первый день

I. Наша Святая Церковь всегда заботится о всех нас как о чадах своих с особенною, свойственною ей, материнскою любовью и попечением, – заботится о нас от колыбели до гроба, от самого дня рождения нашего до самой нашей смерти. Лишь только младенец является на свет, лишь только он рождается – Православная Церковь спешит взять его под свое покровительство и достойно приготовить его к Святому Крещению.

II. Это дело довольно близко к вам, братие. Редкому из вас не приходилось видеть и в своей семье, как это бывает; только вы, может быть, мало вникаете в это. Потому ныне считаю нужным объяснить вам это подготовительное к Святому Крещению действие.

а) Вы знаете, братие, что не сейчас же крестят дитя, как только оно родится: если же это иногда и случается, то разве только тогда, если оно очень слабо. Как только родится дитя, в первый же день, можно сказать, Святая Церковь берет его под свое покровительство. Вы сейчас же обращаетесь к священнику и просите его прочесть молитву, или, как вы обыкновенно говорите, дать молитву новорожденному младенцу. И это хорошо вы делаете. Родительница и младенец нуждаются в Божией помощи, и Церковь спешит помолиться о них.

Служитель алтаря является к вам в дом и молится о том, чтобы Господь помиловал родильницу, дал ей здоровье, очистил ее телесную нечистоту, простил ей грехи вольные и невольные и сохранил бы ее от всякого зла.

Да, братие, в числе наших грехов есть грехи невольные, в которых мы хотя и не прямо виновны, но все-таки делаемся чрез то недостойными Бога. Невольный грех – есть грех первородный, или прародительский, то есть перешедший к нам от наших прародителей Адама и Евы, от которого мы и избавляемся в Таинстве Святого Крещения. Невольным же грехом называется и тот грех, который хотя производим и мы сами, но производим не с полным сознанием нашего разума. Эти грехи, как происходящие от неведения или от несовершенного нашего согласия, хотя тоже невольные, но все же суть грехи.

Засим священник молит Господа, чтобы Он новорожденного младенца соблюл от всякого яда и духов лукавых, продлил его жизнь и, главное, сподобил бы его поклониться земному храму, в котором прославляется святое имя Божие.

б) Прочитав молитвы над родильницей и новорожденным, священник осеняет крестным знаменем чело, уста (то есть рот) и перси (то есть – грудь) младенца, ради жизненных сил, и читает другую молитву. В этой молитве просит Господа, чтобы Крест Единородного Сына Божия напечатлелся в сердце младенца, чтобы святое имя Искупителя навсегда осталось при младенце, и т. д. же даст ему имя какого-либо святого Божия, празднуемого в этот или в один из ближайших дней, говоря: *«Даждь, Господи, не отречену пребыти имени Твоему святому на нем»*. Нарекать, то есть давать имя младенцу, положено в восьмой день после его рождения, хотя, впрочем, оно может быть нарекаемо и нарекается у нас тотчас по рождении. Наречение имени одного из святых Божиих знаменует предварительное причисление сего новорожденного к Церкви и вместе с тем указывает на то, что младенец с этой минуты вручается молитвам и ходатайству того святого, имя которого на себя принимает, и вместе с тем обязывается во всю жизнь подражать этому святому, жить так, как он жил, чтобы заслужить его любовь и ходатайство пред Богом.

О! как было бы хорошо, братие, если бы мы старались, хотя по возможности, жить так, как жил тот угодник Божий, имя которого каждый из нас носит на себе и жизнь коего он должен, прежде всего, знать.

III. Постараясь же, братие, сколько возможно подражать добродетелям святых и избранных Божиих; будем жить, как следует жить по-христиански – и тогда избегнем той жалкой участи, которая ожидает нераскаянного грешника на том свете. Аминь. (Сост. по «Сборник поучений для простого народа» свящ. К. Стратилатова).

Приложение к беседе № 1. Историко-догматическая справка по вопросу веры во вредное действие «лихого глаза» (по поводу второй молитвы, читаемой при постели родильницы)

В числе многих суеверий, встречающихся в жизни русского народа, оставшихся от времени грубого язычества, находится суеверие, известное под названием «сглаживания», или веры в действие лихого глаза [1]. Это суеверие нередко можно встретить и среди образованных русских людей и среди необразованных, среди аристократических семейств и среди простолюдинов. Действия лихого глаза боятся часто и верующие люди, и маловерующие, иногда даже неверующие. Кому из читателей не приходилось слышать, как у одного «с глазу» захилел любимый конь, – у другого от завистливого взгляда начало чахнуть дитя, прежде дышавшее здоровьем и свежестью; третий расстроил свое дело, успех которого был обеспечен и т. п.? Подобные рассказы всегда вещаются за что-то достоверное, исключая возможность каких бы то ни было возражений.

По большей части это суеверие распространено в среде лиц женского пола, вообще склонных к суевериям. Многие знакомы с картиною, как бережно старые няни охраняют колыбель любимых детей от взоров любопытствующих. Едва ли не все, внимательные к жизни в различных ее проявлениях, видали «отплевывание» при похвалах какому-либо живому существу из опасения потерять его по действию лихого (предполагаемого) глаза...

Можно думать, что женщины по преимуществу являются и распространительницами рассматриваемого суеверия. Малые дети от них усвоят это суеверие так крепко, что и по достижении зрелого возраста или совсем не могут от него отказаться, или только с большою борьбою: ведь впечатления детства обыкновенно долго живут в человеке и не так легко видоизменяются!.. Некоторые и на всю жизнь стараются остаться верными этому завету своих руководительниц, иногда и руководителей. Замечательно при этом то обстоятельство, что большинство придерживающихся «веры во вредное действие лихого глаза» старается так или иначе оправдать эту свою веру, подыскать объяснение ее, вообще представить ее разумною верою, а не слепою. В таком случае верующие люди обыкновенно объяснение своей веры стараются найти в источниках своей чистой, благодатной веры, а неверующие – в законах природы

человека. Оставляя пока в стороне объяснение последних, остановимся с некоторою подробностью на объяснении первых, наиболее распространенном. Вот в каком виде оно представляется.

Во второй молитве, читаемой священником при постели родильницы по рождении младенца *«Повнегда родити жене отроча»*, Святая Церковь, обращаясь к Господу Иисусу, чтобы Он сохранил младенца и родильницу от всех видов губительного влияния духа злобы, от тайной злобы людской («ревности и зависти») *и от всякого наития невидимых духов*, между прочим так взывает: *«соблуди (родившую отроча и самое отроча)... и от очес призора»*. Наши суеверы в выражении *«от очес призора»* обыкновенно стараются найти основание для своей веры в действие лихого глаза. Они видят в нем указание на возможность очарования чрез глаз, при чем говорят: «Сама Церковь в своем молитвословии предполагает существование лихого глаза и вредное действие его на других». Пишущему эти строки не раз приходилось слышать такое душевредное суждение. Но так ли это? Действительно ли Святая Православная Церковь допускает и тем самым освящает веру в действие лихого глаза, или в сглаживание?

Так как рассматриваемое суеверие для своего оправдания хочет опереться на слова церковной молитвы, заключающей в себе выражение *«от очес призора»*; то для обличения сего суеверия представляется естественным обратиться к той же самой молитве, принадлежащей св. Василию Великому, как равно и вообще к учению этого отца, являющегося лучшим выразителем христианского учения в 4 веке.

При чтении переводных словесных произведений, в тех случаях, когда в них представляется какое-либо выражение неудобовразумительным, справедливость требует обращаться к вспомогательным источникам для его уяснения: или к переводам на других языках, если таковые есть, или же к тому тексту, на котором первоначально явилось рассматриваемое выражение, если этот текст сохранился в неповрежденности. Для нашей цели, состоящей в уяснении неудобовразумительного славянского выражения *«от очес призора»*, в настоящем случае вполне применимо это общее требование. Так как первоначальный текст содержимой Российской Церковью молитвы св. Василия Великого *«Повнегда родити жене отроча»* есть греческий, то мы и обратимся к нему для объяснения ложно истолковываемого нашими суеверами выражения.

В греческом тексте молитвы в соответствии славянскому выражению *«от очес призора»* поставлено выражение: «*απο τис βασканиас τον офталмон*». Отсюда видно, что славянское «призор» есть перевод

греческого «васканиа». Какой смысл имеет это греческое название?

По мнению знатоков греческого языка, оно равносильно по значению латинскому «фасциум». В таком случае славянское выражение будет означать то же самое, что и латинское «фасциум окулорум». Тожественно ли это нашему русскому «лихой глаз»? Для ответа на этот вопрос обратимся к свидетельству древней римской мифологии, сохранившей довольно точные сведения о «фасциум» и сродном ему названии «фасцинус».

В естественной истории Плиния Старшего (кн. 28, гл. 4), известного римского знатока язычества и его суеверий, название «фасцинус» усвадается особому римскому божеству, не последнее место занимавшему среди римских богов. Суеверные римляне приписывали этому богу силу охранения от лихого глаза, или от сглаживания. Они считали его оберегателем не только детей, но и правителей народных от порчи глазом. «Этот бог, – говорит Плиний, – в римском святилище чтится весталками. Он врачеватель от зависти, защищает и колесницы триумфаторов, привешенный под ними». По замечанию Плиния, народная медицина требовала, чтобы в сем случае триумфатор внимательно, во все глаза, смотрел (призирал) на то, что привешено под колесницей, дабы охранить свою славу от лихого, завистливого глаза. «Фасциум» называлась особая вещь, имевшая отношение к служению названному богу Фасцинусу. Эта вещь имела такое же действие, какое и сам бог, которому она посвящалась. И можно думать, что она-то и привешивалась к колесницам римских триумфаторов, как охрана их славы от лихого глаза. Значит, для римлян она имела значение средства защиты от завистливого глаза. Она представляла из себя знак бога, или его символ. По виду она походила на плоский золотой медальон, сходственный с теми, которые, по древнеэтрuscoму обычаю, в Риме носили знатные, а впоследствии – и все свободнорожденные дети на тесьме или на цепочке вокруг шеи (булла). Обыкновенно в такие медальоны суеверные римляне вставляли мерзкие изображения бога Фасцинуса. Это делалось с тою целью, чтобы всякий, кто взглянул на них, отвратился от них. Римская народная медицина особенно предписывала подобные фасциумы (медальоны) иметь при постели родильницам. Обыкновенно здесь они развешивались пред глазами последних на особых подставках, привешивались к кроватям и другим вещам, в комнатах больных находившимся, или надевались на шею больной женщине и ее новорожденному младенцу для ограждения от лихих глаз. И, нужно заметить, все это считалось действительным средством против завистливых глаз, так как отталкивало в сторону эти

глаза. Ведь немногие в состоянии были взглянуть на эти мерзкие изображения, вставленные в фасциумы!..

«Фасциум» римлян перешел впоследствии к грекам. Последние оказывали особое благоговение к этой вещи и дали ей на своем языке название «васкания». Со временем суеверное отношение к этой вещи так укоренилось в среде христиан, из язычества перешедших, что для ограждения чистоты веры и христианской жизни потребовалась усиленная борьба против него со стороны представителей христианства. Исторически это известно, напр., о Порфирии, епископе Газском, жившем в IV веке, требовавшем удаления от родильниц тех вещей («фасцина»), которыми суеверие старалось их оградить от несчастья.

Не без достаточного основания это же можно утверждать и относительно св. Василия Великого: в своей молитве «*Повнегда родити жене отроча*» он, очевидно, молит Господа Иисуса об избавлении больной родильницы от тех средств, какие суеверие изобретало для ограждения жены от каких-либо бед, в особенности от лихого глаза, – средств, в существе дела, сильных только раздражать зрение больной жены, а не спасать ее от бед. Подобные средства измышлялись людьми по внушению духа злобы и служили для угождения ему, как и все, имеющее отношение к идолопоклонству, в котором нравственно присутствуют бесы. Не напрасно поэтому великий святитель в рассматриваемой молитве свое выражение, соответствующее славянскому от очес призора, поставил в связь с другими выражениями, говорящими об избавлении родильницы от различных видов козней дьявола.

Теперь ясно, что славянское выражение «от очес призора», представляющее буквальный перевод истолкованного греческого, должно означать то же самое, что и греческое. Оно не говорит в пользу веры в сглаживание. В нем, как и в греческом, заключается моление об избавлении родильницы и ее младенца от бесполезных человеческих средств борьбы против лихого глаза, – таких средств, какие в действительности могут лишь раздражать зрение больной женщины. Не без основания в Требнике Петра Могилы выражение «от очес призора» заменено другим, по смыслу с ним согласным «от очесного негодования», т. е. от зренья того, что приводит в негодование.

Итак, слова молитвы св. Василия Великого «*По внегда родити жене отроча*» не заключают в себе основания для веры в действие лихого глаза, или в сглаживание. Посему не благочестиво поступают те, считающие себя разумно верующими, которые говорят, будто «сама Церковь в своем молитвословии предполагает существование злого глаза и вредное

действие его на других». Вера во вредное действие завистливого глаза должна быть названа суетною, ибо она противоречит как духу всего христианского учения, так, в частности, духу (и букве) учения св. Василия Великого, на котором ее стараются утвердить. Вот как в беседе о зависти говорит св. Василии Великий об этой вере: «О завистливых иные думают, что они наносят вред одним взором, так что от их завистливого взгляда чахнут тела крепкого сложения, по юности возраста цветущие всею красотою. Вся полнота их вдруг исчезает, как будто из завистливых глаз льется какой-то губительный, вредоносный и истребительный поток. Я отвергаю такое рассуждение, потому что оно престоноародно и старыми женщинами поддерживается в женских теремах».

Выходит таким образом, что эта, вера есть *суеверие*, которое нужно оставить.

Беседа № 2. О молитве жене, егда извержет младенца

I. Доселе говорил я вам, братия мои, о том, как поступает Святая Церковь с родильницею вашею и с младенцем ее в том случае, если роды были благополучны и если младенец после родов остается живым и здоровым. Но ведь вы знаете, братия мои, что это не всегда бывает. Бывают несчастные случаи, когда родильница рождает младенца мертвого, извергая его преждевременно из утробы своей. Представим себе, братия мои, супругу, которая, чувствуя себя беременною, с трепетом сердца и с тайною радостью ожидает разрешения своего от бремени, – чтобы увидеть своего младенца и нарадоваться на него. Но вот, какая-нибудь несчастная неосторожность, нечаянный испуг, сильное огорчение и потрясение душевное, заставляют ее разрешиться от бремени преждевременно. Во время таких родов своих она мучается иногда и больше, и дольше, нежели другая родильница; молит Господа о помиловании, стонет и вздыхает к Нему. Господь разрешает ее; но увы, вместо радости она поражается новыми скорбями и страданиями, не телесными, но душевными, которые еще более мучительны, нежели телесные. Младенец ее – мертвый. «Я убийца этого невинного создания! Я сгубила его невольно! Я виновна в его смерти!» – Эти мрачные мысли сами собою овладевают ее душою и возмущают ее. И невыносимо тяжелы были бы эти страдания, если бы Святая Церковь не поспешила их облегчить своими молитвословиями. Но случается иногда, что рождение мертвого младенца бывает не вследствие какой-либо неосторожности или несчастья, а вследствие преступления. Иная или по легкомысленному и непростительному нежеланию принять на себя труды матери, или побуждаемая стыдом бесчестия и страхом гнева мужа и родителей, прибегает к насильственным мерам, чтобы не произвести на свет живого младенца. Как ни страшно такое преступление, преступление намеренного убийства, – примеры его, увы! хотя редко, но к великой скорби и стыду христиан встречаются между ними.

II. а) Но по каким бы причинам ни родился младенец мертвым, сделался ли он жертвою невольного или вольного убийства, во всяком случае Святая Церковь не оставляет без своего материнского попечения несчастную, или преступную родильницу. На этот случай положена в Требнике особая молитва, в которой священник испрашивает у милосердного Господа помилование родильнице.

Но прежде чем священник приступит к чтению этой молитвы, он обязан исполнить следующее наставление Требника (Петра Могилы):

«Подобает тебе ведати, о иерею, яко аще сицевый случай приключится в твоём приходе, никакоже ти мощно есть дерзнути просто, и якоже прилучися, прочести сию молитву: но первее повели жене извергшей исповедание грехов своих пред тобою сотворити чинно. В исповедании же сем известно испытай, каковем образом сие извержение приключися ей: волею ли, или неволею: ибо аще волею, убийство сотворила есть: сего ради от святых правил разсудив, накажи ю, и епитимию по силе наложив, разрешением обычным разреши. Аще же неволею, малым чим запрети ю, и наказав разреши. По разрешении же чти и молитву сию». (За намеренное умерщвление плода в утробе в церковных правилах положена десятилетняя епитимия, которая, впрочем, может быть сокращена смотря по искренности и силе раскаяния. (Прав. Василия Великого 2, 8; Анкирского Собора 21; Трулльского 91). За невольное извержение жена лето едино не причастится. (Номоканон при Требнике прав. 75).

Справедливо ли, спросите, налагать епитимию, т. е. отлучение от причащения Святых Таин на более или менее продолжительное время, на родильницу, неволею впадшую в убийство? На это ответим словами древнего истолкователя церковных правил [2]: «Хотя этот случай и достоин милости, но все требует некоторых епитимий для успокоения совести извергшей, ибо есть основание думать, что Господь, хранящий младенцев, попускает быть сему случаю за некоторые тайные и не исповеданные грехи родителей. Ибо сказано: *»Не даст Он поколебаться ноге твоей, не воздремлет хранящий тебя" (Пс. 120:3).*

б) Наложив на родильницу епитимию, священник совершает положенное в Требнике молитвословие в следующем порядке: «Благословен Бог наш... Трисвятое, Пресвятая Троице, Отче наш»; затем читается тропарь в честь того святого, память которого совершается в тот день Церквию. Вслед затем, священник говорит внушительно: «Господу помолимся!» – возбуждая и себя самого, и вас, и всех присутствующих с вами, к молитве. Я уверен, братие мои, что прежде всех и с особенным чувством умиления пред всеми, произнесет обычный ответ: «Господи, помилуй» на это внушение священника мать несчастного младенца Ее душа по преимуществу нуждается в помиловании от Господа. «Владыко Господи Боже наш, продолжает священник, – рождейся от Святыя Богородицы и Приснодевы Марии, и во яслех возлегий, Сам рабу Твою сию днесь сушу во гресех, во убийство впадшую волею или неволею, и зачатое в ней извергшую, помилуй по велицей Твоей милости, и прости ее вольная и невольная прегрешения».

III. Так, братие мои, Святая Церковь заботится о нас в минуты самых

тяжких испытаний наших. Как нежная и кроткая мать, она утешает и ободряет нас в скорби, и своими молитвословиями разгоняет уныние и отчаяние наше. Возблагодарим же Господа за то, что мы имеем столь нежную и заботливую мать, и будем благоговейно чтить ее уставы.

Вместе с тем примем себе за неперемное правило – сколько возможно, беречь и охранять наших жен во время их беременности. А женам нашим внушим, чтобы они сами во время беременности своей сколько возможно, были благоразумнее и осторожнее, удерживались от движений быстрых, от прыганья, от стягиванья, от гнева, мстительности, сильных душевных волнений, от раздражения и проч. Ведь и с нас, и с них равно взыщет Господь Бог за несчастные роды и за нашего младенца, если мы будем произвольною причиною таких родов, ведь – слышали, – мы делаемся убийцами нашего младенца; подумаем об этом, братие мои. Аминь. (Сост. по «Душеполезное чтение» 1863 г., сентябрь).

Беседа №3. О молитвословиях в сороковой день по рождении младенца (воцерковлении)

I. Наши матери, по примеру Пресвятой Богородицы (какая высокая честь для матери христианки!), в сороковой день по рождении, приходят в Церковь для принятия очищения и особенно для того, чтобы, по выражению св. Кирилла Иерусалимского [3], «посвятить в дар Господу, как две горлицы, душу и тело» своего детища. Служители алтаря Господня, подобно праведному Симеону, носившему в своих объятиях божественного Младенца Иисуса, принимает на свои руки всякого сорокодневного младенца, «принесенного» в Церковь – «явится всех Творцу и Владыке всесильному», поставляет его пред Господом и благословляет Бога молитвами Богоприимца.

И с этим действием соединено весьма важное событие нашей жизни, – именно, окончательное «сопричтение к святому стаду словесных овец, нарицающихся именем Христа» [4], – торжественное введение в Святая Церковь, или одним словом «воцерковление». Это событие столь важно в нашей жизни, что мы, во все течение ее, должны бы непрестанно памятовать о нем и вспоминать с глубокою благодарностию к Богу, как о великом и поучительном для нас благодеянии Божиим. Между тем, должно сознаться, весьма нередко мы совершенно забываем о нем будто о неважном каком-нибудь обряде церковном, так что и самое наименование «воцерковления» для многих невразумительно и малоизвестно.

II. Посвятим же, братие, несколько минут на то, чтобы утвердить в себе мысль о важности воцерковления, воскресить в памяти самые действия этого священного обряда и вместе вникнуть кратко в их значение, и наконец – заметить хотя некоторые назидательные истины, которым они поучают нас.

Господь Бог, создав человека, ввел его в рай сладости (Быт. 2:16). Так и после того, когда младенец воссозидается в *бане пакыбытия* во Святом Крещении, по благодати того же Бога, он вводится в «Церковь», которая, по словам св. отцов, «есть живой, Богом насажденный на земли, рай». Как вы думаете, братия, не было ли важно для нашего праотца введение его в рай эдемский, – не памятовал ли он о нем во всю жизнь свою? Без всякого сомнения! Как же не считать нам весьма важным нашего введения в рай церковный, и как не благодарить Бога при каждом воспоминании об этом событии?

Посвящение Богу первенцев израильских было в некотором смысле

памятником того, каким чудесным образом ввел Господь израильтян в землю обетованную (Исх. 13:11) Так и поставление пред Богом воцерковляемых младенцев, как духовных первенцев – возлюбленнейших чад Богу о Христе Иисусе, есть не только памятник, но и «начало вводится в Церковь», – в эту, по выражению святителя Димитрия Ростовского [5], «обетованную землю, кипящую млеком и медом (Исх. 3:8), то есть обильную учениями пророков, апостолов и святых отцов наших».

Отсюда сама собою открывается важность священного обряда воцерковления. Но эта важность еще яснее откроется нам, когда обратим внимание на самые действия, из которых состоит воцерковление, и рассмотрим вкратце их значение.

а) Еще в притворе храма, мать с младенцем сретается священнослужителем. Еще здесь священник Божий принимает на руки новопросвещенного младенца, и таким образом он переходит из рук одной матери, родившей его по плоти, в объятия другой, «Святой Матери нашей Церкви», возродившей его духовно в «крестительной купели,» – той матери, «которой глас, яко глас горлицы, пекущейся о чадах, которой уста изливают миро апостольских учений, – которой очи – вера истинная и надежда несомненная на Бога» – прозревают тайны мира невидимого, – «которой руки искапают смирну благодотворения и человеколюбия, – которой два сосца суть два Завета, – Ветхий, пророками возвещаемый, и Новый, апостолами проповедуемый», той матери, которая, по словам св. Киприана [6], «заключает в своих объятиях всех верующих, как бы одно единокорпусное тело, точно так, как воцерковляемого младенца заключает в своих объятиях священнослужитель, – той Матери Церкви, которой если «кто не признает матерью, не может иметь Бога Отцем!»

б) Приняв младенца от матери на свои руки, служитель Церкви начертывает им пред вратами храма Крест Святой, как спасительное орудие, отверзшее врата рая, и возглашает: «воцерковляется раб Божий – во имя Отца и Сына и Святого Духа...»

в) Потом вводит его во храм глаголя: «Внидет в дом Твой, поклонится ко храму святому Твоему». Таким образом, – действием воцерковления прежде всего отверзается человеку вход во святой храм, место особенного таинственного присутствия Бога Троицы, где по преимуществу возвещается слово Божие, совершаются Таинства и общественные молитвы.

Но тут же вводится новопросвещенный христианин и в таинственный «дом Божий, который есть Церковь Бога живаго, столп и утверждение истины» (1Тим. 3:15), «которой основание – Сам Христос, стены – закон

Божий, столпы – апостолы, евангелисты, учителя, покров – Дух Святой» (Слова св. Димитрия Ростовского [7]). Для верующих нет другого дома, говорит св. Киприан [8] «кроме единой Церкви. О сем-то доме, о сей-то обители единомыслия предвозвестил Дух Святой в псалме: *»Бог одиноких вводит в душ«* (Пс. 67:7), – в дом Божий, в Церковь Христову». Здесь же, при введении в храм видимый, вселяется новый член Церкви и в храм духовный, которого *живые камни* верующие (1Петр. 2:5), *«быв утверждены на основании Апостолов и пророков, имея Самого Иисуса Христа краеугольным камнем, на котором все здание, слагаясь стройно, возрастает в святой храм в Господе, на котором и вы устрояетесь в жилище Божие Духом»* (Ефес. 2:20–22).

г) И вот – входит затем иерей Божий с воцерковляемым младенцем на средину храма, снова восклицает: «Воцерковляется раб Божий»... и присовокупляет: «Посреде церкви воспоет Тя!» Эти слова псалмопевца придают здесь особенное, высокое значение совершаемому при них священнодействию, – не только сами по себе, но и потому, что они прилагаются к тому Первородному, Которого Сам Бог Отец ввел некогда во вселенную то есть – к Самому Иисусу Христу: *«Святая бо, – говорит апостол, – ибо и освящающий и освящаемые, все – от Единого; поэтому Он не стыдится называть их братьями, говоря: возведу имя Твое братьям Моим, посреди церкви воспою Тебя»* (Евр. 2:11–12)... Этим действием воцерковления новорожденный поставляется среди сонма избранных Божиих, сынов новоблагодатного Царствия, наследников Богу, сонаследников Христу, – поставляется среди их как среди братий присных по вере, для того чтобы вместе с ними и с *ополчающимися окрест их* (Пс. 33:8) ликами бесплотных певцов, славил и воспевал он Господа и Бога, *дондеже есть* (Пс. 145:2), – дотоле, пока эти временные славословия, или «прославляйте Бога и в телах ваших и в душах» (1Кор. 6:20), не заменятся (по выражению св. Григория Богослова), как «предначинательный гимн, будущим», вечным, небесными, «хвалебными песнопениями!»

д) Наконец, вводит служитель Божий новопросвещенного младенца пред двери алтаря, и в третий раз возглашает: «воцерковляется раб Божий»... И вводит его «во святой жертвенник» – самый алтарь святой, если младенец мужеского пола, или – до царских врат, если женского (так как совершение церковного богослужения возлагается собственно только на мужей: 1Кор. 11:4, 14, 34–35). Этим действием воцерковления новопросвещенный некоторым образом сопричисляется к сонму самых священнослужителей. Здесь-то особенно открывается, что все верующие – *священство святое, царственное священство* (1Петр. 2:5, 9), – все, в

духовном смысле (но не иерархическом), *цари и священники Богу* (Откр. 5:10).

Но предстание новопросвещенного младенца к алтарю имеет еще и особенное значение. «То, что ты прямо после крещения должен будешь предстать пред великим жертвенником, – говорит св. Григория Богослов [9], – есть предызображение будущей славы», имеющей открыться на небеси, в жизни будущего века. Итак, являясь во святой алтарь, как в самое небо, новопросвещенный христианин как бы предначинательно *«приступает к горе Сиону и ко граду Бога живого, к небесному Иерусалиму и тьмам Ангелов, к торжествующему собору и церкви первенцев, написанных на небесах, и к Судии всех Богу, и к духам праведников, достигших совершенства»* (Евр. 12:22)... Здесь как бы показывается человеку, куда наконец имеет привести его руководство Церкви, сущей на земле!

Взглянем еще раз мысленно на служителя Церкви Святой, сохранно носящего на своих рудах воцерковляемого младенца, и постепенно переходящего с ним из одной части храма к другой, имеющей высшее назначение и знаменование. Это живое изображение того, как Святая Церковь, подобно заботливой матери, как бы носит на руках своих каждого человека, – возводит его от силы в силу, *преобразует от славы в славу* – дотоле пока не введет его как любимое, покорное ей, чадо в небесное святое святых, пока не дарует ему Господь – *взирать откровенным лицом славу Господню* (2Кор. 3:13), в Церкви торжествующей, на небесах! С другой стороны, поучительно для нас то, что священник, при воцерковлении, почти не останавливается с младенцем на одном месте, но все стремится вперед... Не ясно ли представляется чрез это воцерковляемому, что он делается членом Церкви воинствующей, – что мы, верующие, *«не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего»* (Евр. 13:14), и потому должны, *«забывая заднее и простираясь вперед, стремиться к цели, к почести высшего звания Божия во Христе Иисусе»* (Фил. 3:13–14)?..

Когда новорожденный и нововозрожденный удостоился поклониться алтарю Господню, над ним уже совершено воцерковление: он уже окончательно «сопричтен к Божиему святому стаду словесных овец, которым принадлежит наследие Небесного Царствия».

е) И тогда-то уже священник, принося благодарение и хвалу Богу, возглашает песнь Богоприимца. И эта песнь имеет здесь особенное значение.

"Ныне отпущаешь раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, с

миром», – говорит иерей от лица воцерковленного и как бы такие слова влагает ему в уста: *»яко видесте очи мои спасете Твое, еже еси уготовал пред лицем всех людей«*, а путь и средства к достижению сего спасения предоставил Единой, Святой, Православной Церкви, да в ней, якоже во дни Ноевы в ковчеге, обрящем единственно верное пристанище – от потопления в волнах житейского моря, воздвигаемого напастей бурей! Со вступлением в эту священную ограду Святой Православной Церкви, открывается очам моим и истинный свет воссиявший с небесе во откровение Тебя, истинного Бога, всем племенам и языкам. Ибо, «Святая Церковь Твоя», Господи, есть «светило, по всему земному кругу распространяющее лучи свои, – седмисвещный светильник, сияющий» светом Твоим, «светом Христовым; и потому, удаляющиеся от ее учения, поистине, подобны слепым, коих водят слепые же: всегда ища и никогда не находя истины, они впадут в яму, изрытую их невежеством!» [10] Здесь, и только здесь, в недрах Святой Православной Церкви, возмогу зреть и славу людей Твоих, нового Израиля – в недрах той Церкви которую Ты, Христе до того возлюбил, что предал Себя за нее, чтобы представить ее Себе славную Церковью (Еф. 5:27), – той «Церкви, которая Тебе, Спасителю нашему обручена, ангелами почтена, пророками украшена, апостолами прославлена, мучениками и исповедниками вознесена, ей же Ты, Господи, небесный чертог уготовал!»¹¹ О, благословен буди, Господи Боже, сподобивший меня узреть столь дивную славу нового Израиля, свет небесный и спасение Твое! Отныне одного только осталось мне желать: чтобы и при моей кончине, засыпая сном блаженным в объятиях Матери Церкви, мог я столь же радостно, как и при самом начале дней моих, воскликнуть: «Ныне отпускаеши раба Твоего Владыко, по глаголу Твоему, с миром!»

ж) Благословив Бога молитвою святого и праведного Симеона, и тем как бы запечатлев священный обряд воцерковления, священник уже не возвращает воцерковленного младенца в руки матери (или восприемника), а «полагает его при дверях жертвенника», пред царскими вратами. Это значит, что отныне он уже есть достояние Церкви: троекратным действием воцерковления, при входе из притвора храма в самый храм, посреди церкви, и, наконец в алтаре, – посвящены на служение триединому Богу, под руководством Церкви, все три части его существа – дух, душа и тело. Телу – по преимуществу – принадлежит поклонение Богу, богослужение внешнее: *войду в дом Твой, поклонюсь святому храму Твоему; душе – воспевание, или прославление Бога (Пс. 33:3; 103:1; 145:1): воспоем Тя; духу – служение Богу, принесение духовных жертв: *духом пламенейте;**

Господу служите (Рим. 12:11) ¹². Об этом мы должны, братия, помнить во всю жизнь. Этого, в особенности, не должны забывать родители при воспитании своих детей.

III. Нам остается еще, братия, заметить хотя некоторые назидательные истины, внушаемые нам уже предложенным размышлением, как о важности воцерковления, так и о значении действий, совершаемых в этом священном обряде.

а) Посредством воцерковления мы вводимся во Святую Православную Церковь, как в рай земной. Вместе с этим внушается нам заповедь, весьма соответствующая той заповеди, которую получили наши прародители, как скоро поселились в раю эдемском. «Церковь подобно раю насаждена в этом мире», – говорит св. Ириной ¹³. «Посему-то, от всякого древа райского вкушайте, – говорит Дух Божий (Быт. 2:16), то есть вкушайте от всего Божественного Писания; но не вкушайте от гордого разума, и даже не прикасайтесь никакому разномыслию еретиков. (Ибо они уверены, что сами имеют познание добра и зла, и возносятся гордым своим помыслом выше Бога, сотворившего их). *»Не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего«* (Рим. 12:2), дабы не быть вам изгнанными из рая жизни, в который Господь, возглавивший в Себе все, что на небе и на земле (Еф. 1:10), – ввел истинных последователей Своих». Или иначе, мы должны помнить, что со вступлением в Церковь, мы посвятили премудрому Богу свой разум, который, в делах веры, непременно обязан, *пленясь в послушание Христу, (2Кор. 10:5),* подчиняться руководству Церкви Христовой!

б) Через воцерковление мы вступаем в Божию Церковь, как в обетованную землю, кипящую млеком и медом, то есть обилующую божественными писаниями. *Возлюбим же, братия, всем сердцем, «как новорожденные младенцы, возлюбите чистое словесное молоко» – учение Святой Православной Церкви, «дабы от него возрасты вам во спасение» (1Петр. 2:2).* «Суды Господни истина, все праведны», открываемые нам Святой Церковью, да будут для нас *«они возделеннее золота и даже множества золота чистого, слаще меда и капель сота» (Пс. 18:10–11)!*

в) При воцерковлении Святая Церковь, как мать, воспринимает нас в свои объятия, и, конечно, ни одна из земных матерей не печется о своем любимом детище с такою нежною заботливостью, с какою Матерь Церковь во все течение нашей жизни, от колыбели до гроба, печется о каждом из нас, устроая наше временное и вечное благо!.. Возлюбим же Святую Матерь нашу Церковь тою же или еще большею любовью, нежели какова бывает любовь добрых детей к родной матери! Пребудем послушны

ей во всем. Не скроем от нее ни наших радостей, ни наших печалей и скорбей. Всякую радость нашу она соделает *радостью святою, печаль – печалью ради Бога* (2Кор. 7:10) и в скорбях утешит нас, *«Как утешает кого-либо мать его»* (Ис. 66:13) или еще более! Впадет ли кто из нас в некое прегрешение? У Матери Церкви готово прощение у Господа: не умедлим испросить Его! Внушит ли нам Бог предпринять какое-нибудь доброе дело? Поспешим принять из ее матерних рук благословение Господне! Словом, будем всегда и во всем держаться материнского руководства Церкви, подобно тому, как дитя не желало бы отстать от своей доброй матери ни на один шаг!

г) Действием воцерковления нам открыт вход во святой храм, – в эти возлюбленные селения Господа сил, Царя нашего и Бога нашего! Вожделенно для всякого подданного иметь свободный доступ в чертоги царя земного, но несравненно вождеднее право посещать святой храм, посвященный страшному и славному имени Царя небесного. Не престанем же, братия, со всевозможным тщанием пользоваться столь высоким преимуществом! *Сердце наше и плоть наша да возрадуется о Боже живе, и да возвеселимся о редких: в дом Господень пойдём* (*Возрадовался я, когда сказали мне: пойдём в дом Господень*) (Пс. 83:3; 12:1)!

д) Действием воцерковления мы поставлены, братия, среди сонма избранных Божиих. Не забудем же, что мы «сограждане святым и свои Богу» (Еф. 2:9) будем и сами святы во всех поступках; по примеру призвавшего вас Святого (1Петр. 1:15): *«старайтесь делать твердым ваше звание и избрание»* (2Петр. 1:10), *«снисходя друг ко другу любовью, стараясь сохранять единство духа в союзе мира»* (Еф 4:2–3)!

е) Мы предстали некогда при воцерковлении пред великим, святым и пренебесным жертвенником и «в предызображение будущей, небесной славы!» Будем же непрестанно содержать в уме и сердце, что нагие истинное, нескончаемое *«жительство – на небесах, откуда мы ожидаем и Спасителя, Господа нашего Иисуса Христа»* (Флп. 3:20). (См. кн. «Христианские рассуждения и размышления», прот. В. Гречулевича, ч. 1-я, изд. 1868 г.).

Возлюбленные братия-христиане! Не употребим во зло столь многообразных средств к нашему спасению, открытых для нас в Церкви Христовой, к которой, по особенному благоволению к нам Божию, мы сопричислены; воспользуемся, сколько вместить можем, теми неоцененными благами, к обладанию которыми открыло нам вход Святое Крещение и последовавшее за ним священное воцерковление!

Беседа № 4. О напутствовании больных

I. Ныне кратко побеседуем, братия, о чине, егда случится вскоре вельми больному дати причастие ¹⁴. Этот чин установлен с тою целью, чтобы никто из членов Святой Матери Церкви не отошел в вечность не готовым, связанным грехами и не вкусив Тела и Крови Иисуса Христа, Источника бессмертия и жизни блаженной. В этом видна высочайшая любовь к нам нашей Святой Матери Церкви.

II. Дары запасные постоянно хранятся на престоле в дарохранительнице для причащения больных.

По приглашению к больному «иерей приемлет часть от Святых Таин, возлагает в потир и вливает мало вина, яко мощно больному удобь прияти то», и совершает чин причащения для больного.

В этом молитвословии Церковь от лица больного умилоствует Господа, исповедует правую веру и недостойнство готовящегося причаститься, призывает Святого Духа, очищающего ны от всякия скверны, и произносит молитвы об отпущении грехов больному и о достойном принятии Святых Таин. Последняя из этих молитв особенно ободряет и умиляет больного многократным призыванием Господа. «Господь Бог да ущедрит тя. Господь всякая прошения да подаст тебе. Господь да вразумит тя. Господь да поможет ти. Господь да спасет тя. Господь да защитит тя. Господь да очистит тя. Господь в день судный да помилует тя и да благословит тя во вся дни живота твоего» и проч.

После молитв священнослужитель слушает предсмертную исповедь больного, и часто последнюю пред страшным судом Божиим, и по *обычной* разрешительной молитве преподает больному Святое Причащение – Таинство благодати единения с Богом.

Затем следует обычный отпуск с предшествующим трогательным чтением священником предсмертной молитвы Симеона Богоприимца: «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко».

III. Так издревле пастыри Церкви напутствовали больных и умирающих.

Приложение к беседе № 4

А. О важности напутствования умирающих

Православная Церковь, требуя от здоровых тщательного приготовления к исповеди и Святому Причастию, позволяет напутствовать Святыми Тайнами больных только с краткою предварительною исповедью, как указано в Требнике. По каноническим правилам, даже отлученные на известное время от Святого Причащения в случае смертной опасности удостоиваются принятия Святых Таин, «как последнего и нужнейшего напутствия»¹⁵. Такое снисхождение к умирающим Церковь оказывает на том основании, что исповедь и приобщение Святых Таин, примиряя человека с его совестью, успокоительно действуют на его душу, облегчают его мучительные страдания и скорби душевные и служат для него залогом вечной жизни. Такое же примиряющее и успокаивающее действие производит последнее напутствие и на родных и знакомых умирающего. Это общехристианское сознание необходимости и благотворности последнего напутствия подтверждается святоотеческими творениями. Так, например, св. Иоанн Златоуст говорит, что «отходящих из этой жизни, если они при кончине причастились Святых Таин с чистою совестью, ангелы, окружая со славою по причине принятого ими (Таинства), отводят отсюда». («О священстве» кн. 6). Вот как благотворно действует на умирающего принятие Святых Таин! Если же мы обратим внимание на душевное состояние умирающих, то также убедятся в необходимости и важности для христианина последнего напутствия. На краю земной жизни, которая у каждого человека переполнена грехами, ему дается возможность свергнуть с себя греховное бремя, которое может его самого низринуть в преисподнюю на вечность при самом вступлении в вечность. Между тем напутствование Святыми Тайнами служит к очищению от грехов, оправданию в жизни будущей, залогом живота вечного (Ин. 6:50–57). Если же последнее напутствие, вследствие таких своих благотворных действий, должно быть сладостно для умирающего христианина, то, с другой стороны, лишение сего напутствия безутешнее всех скорбей смерти. Потому-то и Святая Церковь уповая на то, что милосердие Божие непобедимо грехами человеческими, вменяет священникам в непременную обязанность безотлагательно спешить к одру умирающего со Святыми Таинствами и считает тяжким грехом упущение этой обязанности. «Аще един токмо отыдет Таин не причащен, – замечает св. Иоанн Златоуст – не все ли свое спасение превратил (т. е. потерял) пресвитер? Души бо погибель единыя толико имать тщету, елико никое же

представить может слово» ¹⁶. Как, следовательно, важно и священо в этом случае звание священника, как велик подвиг его и какая страшная ответственность угрожает ему за невнимательное отношение к этому делу?! Здесь священник является как ангел Божий, как вестник правды и милосердия Божия, как врач духовный, могущий исцелить дух страждущего, укрепить его для борьбы с ужасами смерти, утешить его надеждою воскресения и бессмертия, когда все утешения присных и пособия врачей, может быть, уже не нужны умирающему.

В истории Церкви было немало примеров обращения к Богу, раскаяния и оправдания пред смертью неверующих и великих грешников вследствие беседы священника с умирающим и напутствования его Святыми Тайнами. На пространстве веков христианской жизни были примеры особенной спасительной силы благодати Божией, перерождавшей грешника в мужа праведного пред его смертью в самое короткое время, тогда как, казалось, нужны были годы продолжительной борьбы и деятельности для такого перерождения. Так благодать Божия, оправдавшая благоразумного разбойника на кресте, преизбыточествует там, где умножился грех. Это неисповедимая тайна Божия! Вот почему и в настоящее время церковные законоположения обязывают каждого священника «быть стражем день и ночь с покаянием и с причастием» («Святительское поучение»). По уставу духовных консисторий (ст. 97), даже ни один сторонний священник, по просьбе хотя бы и чужих прихожан, не в праве отказываться от исполнения этой требы, если бы приходский священник почему-либо не мог в скорости прибыть к больному. Священник, по нерадению своему допустивший больного умереть без просимого им напутствования Святыми Таинствами, отрешается от места и определяется в причетники до раскаяния и исправления, а смотря по обстоятельствам, может быть даже и совсем лишен сана («Устав духовных консисторий» ст. 183-я). Не известившие же священника своевременно о необходимости напутствовать больного подлежат отлучению от причащения («О должностях пресвитеров приходских» § 116) Нашим священникам должна быть хорошо известна статья учительного известия в Служебнике, гласящая, что даже при совершении Литургии, если служащий священник не дошел еще до Великого входа во время херувимской песни, а его зовут крестить умирающего младенца или исповедовать и причащать тяжело больного, находящегося в смертной опасности, то священник должен тотчас поспешить к больному, особенно если этот будет в недалеком расстоянии, и сделав все необходимое, снова возвратиться в церковь и окончить

Литургию по обычаю. Причем, если больной будет находиться очень близко, или когда погода не будет препятствовать, то священник может отправляться на место и не разоблачаясь, а идти в полном облачении и, совершив там все должное, возвращаться в церковь для совершения Литургии по уставу (дополнение к учительному известию). Во все это время стоящий в церкви народ должен быть занят чтением апостола, или псалмов, или канонов, или поучением. Но если позовут священника для исполнения вышеуказанных треб по перенесении Святых Даров на престол, по Великом входе, то в таком случае священник не должен прекращать Литургии, но, предоставив больного воле Божией, поспешить с окончанием богослужения по уставу и затем, если успеет, отправиться на место и совершить по указанному. Вот единственный случай, – именно совершение важнейшей части Литургии, – обязывающий священника отложить на некоторое время преподавание последнего напутствия. Само собою разумеется, что священник должен отправиться для напутствования больного, если будет позван к этому, во время совершения вечерни или утрени, а откладывать напутствие до окончания этих служб может быть делом небезопасным. Во всяком же случае смерть прихожанина без напутствования его Святыми Тайнами, в особенности если это произошло не без вины священника, должна возбуждать в нем искреннее соболезнование и самоосуждение. Разительный пример в этом отношении передает нам св. Григорий Двоеслов в рассказе о св. пресвитере Севире. Один умирающий послал к Севиру с просьбою поспешить для преподавания последнего напутствия. Случилось, что священник Севир был в то время в винограднике, занимаясь обрезыванием гроздий, и сказал посланному: «Иди, а я догоню тебя». Между тем, видя, что гроздий осталось немного, священник решил подождать несколько, чтобы окончить работу; а потом уже отправиться к больному. Но на пути он встретил людей, бывших у больного, которые сказали ему: «Зачем замедлил ты? Уже не трудись, больной умер!» Священник пришел в трепет, стал горько плакать, называя себя убийцею. С плачем пришел он в дом, где был умерший, повергся на землю пред одром его, громко рыдал, называя себя виновником смерти его. Среди этих рыданий умерший ожил, чем привел всех свидетелей чуда в ужас и радость, – рассказал о том, что какие-то мрачные свирепые существа ввели его в темное место, но навстречу им явился светлый юноша с путниками и повелел мрачным существам возвратить умершего, потому что пресвитер Севир плачет о нем и ради слез его Господь даровал ему этого человека. С несказанною радостью Севир встал с земли, возблагодарил Господа, разрешил воскресшего от грехов, причастил его

Божественных Таин и па 8-й день воскресший скончался в радости ¹⁷.

Вот как древние пастыри скорбели и винули себя в случае внезапной смерти их пасомых без последнего напутствия. Этот пример показывает и то, как важна и неотложна обязанность пастыря Церкви напутствовать умирающих преподанием Святых Таин, чтобы самому священнику не подвергнуться вечному осуждению на страшном суде и за погибель одной овцы, а лучше обо всех с радостью сказать: «Се аз и дети мои!»

Б. О том, что во время болезни не следует опасаться приглашать священника для напутствования исповедию и приобщением Святых Таин

Когда родные советуют больному пригласить священника для напутствия исповедию и Святými Тайнами, то некоторые из больных считают такое приглашение священника признаком близкой смерти своей и с огорчением отвечают на добрый совет родных: «Что вы меня готовите к смерти, я еще в силах; стало быть, близок час моей смерти, когда вы посылаете за священником?» И если после усиленных просьб родных больной и согласится, наконец, принять пастыря Церкви со Святými Тайнами, то как только увидит его входящего, малодушествует, пугается, думая, что настал уже час его смертный.

Думающие так – в великом ослеплении! Смерть вошла в мир вследствие греха: «*Ибо возмездие за грех – смерть*» (Рим. 6:23), сказано в Писании, а священник приходит к тебе для того, чтобы очистить тебя покаянием чрез исповедь от греха и соединить чрез приобщение Святых Таин с Господом. Зачем же ты смотришь на священника как на предвестника смерти? Неужели покаяние и приобщение Святых Таин имеют губительную силу умерщвлять? Грех об этом и подумать!

Болезнями часто Бог наказывает человека за грехи, а **покаяние нередко возвращает здоровье человеку**. Манассии – царю Израильскому – Бог обещал чрез пророка здоровье, если Манассия раскается в своих грехах; раскаялся Манассия в своих грехах и исцелился. Сам Спаситель, исцеляя больных, прежде всего отпускал им грехи как причины болезни. Так, Он, исцеляя больного, расслабленного жилами, прежде всего отпустил ему грехи, потом уже исцелил; сначала сказал: «*Чадó! прощаются тебе грехи твои*» потом «*Встань, возьми постель твою, и иди в дом твой*»; тоже сказал другому, 38-летнему недужному, исцелив его от недуга расслабления: «*Вот, ты выздоровел; не греши больше, чтобы не случилось с тобою чего хуже*». Если раскаяние во грехах бывает причиною не болезни и смерти, а жизни и здоровья, то тем паче приобщение Святых Таин. Не сам ли ты читаешь за священником: «*Да не в суд или осуждение будет мне причащение Святых Твоих Таин, Господи, но во исцеление души и тела?*»

Апостолы Христовы возрадовались, увидевши Господа, а ты печалишься, когда священник приносит тебе Пречистое Тело Его? Такую

гибельную мысль внушает тебе древний человекоубийца сатана, чтобы ты умер без исповеди и приобщения Святых Таин, или – чтоб принял Святые Дары без живой веры и чистосердечного раскаяния во грехах. И что же будет если ты, боясь пригласить священника благовременно, сойдешь в могилу без покаяния или, по усилившимся недугам, сделаешься неспособным к истинному покаянию? Тогда вечная погибель твоя неизбежна.

Нет, православные христиане, не опасайтесь во время своей болезни приглашать священника для исповеди и приобщения Святых Тела и Крови Христовых; чрез это видимо иногда обнаруживалась чудодейственная сила Божия, исцеляющая больных. Для примера расскажем вам, что пишется в житии св. Алипия («Четьи-Минеи», житие св. Алипия, авг. 17). «Был некто в Киеве человек богатый, который страдал самую тяжкою болезнью – проказою. Долго лечившись у врачей, он не получил никакой пользы. Тогда один из друзей его посоветовал ему идти в Киево-Печерский монастырь и просить преподобных отцов печерских Антония и Феодосия, чтоб их молитвами подал Бог ему здравие. Больной, вынужденный усиленными просьбами своего друга, хотя и пошел в обитель Печерскую, но не вполне верил в силу молитв преп. Антония и Феодосия. Как скоро он представлен был игумену обители печерской, игумен велел напоить его и умыть ему лицо и голову водою из колодезя преп. о. Феодосия. Как скоро он напился воды и умылся, то тотчас воскипел весь гноем за то, что не с полною верою в молитвы св. Антония и Феодосия пришел в монастырь; болезнь его до того усилилась, что все начали убегать его; ибо по причине смрада, исходившего от него нельзя было вместе быть с ним. В каком ужасном положении, со слезами и печалью он возвратился в дом свой и несколько дней сряду не выходил из своего дома по причине смрада, покрывавшего все тело его, и сознался пред друзьями своими, что Бог наказал его так за неверие в силу молитв св. Антония и Феодосия; но болезнь не проходила. Наконец, после размышления с самим собою, он решился идти к священнику и исповедать пред ним все грехи свои. А потому, возвратившись в Печерскую обитель, он явился к бывшему тогда священником преподобному отцу нашему Алипию, и исповедался во грехах своих. Алипий, выслушав от него исповедь, сказал ему: «Хорошо ты сделал, чадо, что исповедал Богу грехи пред моим недостойнством, ибо так и пророк о себе свидетельствует, говоря пред Господом (Пс. 31:5): *сказал: исповедаю Господу преступления мои, и Ты снял с меня вину греха моего*» Потом ввел его в церковь и приобщил его Святых Таин; после сего повелел умыться водою, которою священники умывают уста по

причащении Святых Таин, и он получил совершенное здравие телесное».

В. Решение недоумений относительно чина причащения больных

а) Можно ли в одной и той же болезни причащаться несколько раз?

В течение одного дня можно причащаться только один раз – отнюдь не более; но в течение одной и той же болезни, длящейся несколько дней, можно причащаться несколько раз.

В Требнике Петра Могилы есть особый устав «О еже како причащати больного вскоре». В этом уставе читаем: «Первое коегождо больного иерей должен есть исповедати, и к исповеданному уже с Божественными Тайнами идти и причастити, – разве аще нужда смертная надлежати будет: то с Божественными Тайнами да идет, и исповедав да причастит. Аще больной, причастився Божественным Тайнам, дний колико поживет и паки, в беде смертной быв, вожделеет божественное причащение, никако же иерей да отрицается и паки причастити его, и аще случится и многожды потом. В беде смертной сущих и по ядении достоит причастити...», «аще скорые ради нужды на кони к больному бежит... к больному приспев, на трапезе, убрусом покровенной, распростер покроец, снемлет с себе Божественныя Тайны, и положив я на покроеце, поклоня низко, возьмет вино, и, положив на трапезе, приступит к больному, и опасно испытав и совершенно исповедав его и разрешив и молитвы прочет, приступает к Божественным Тайнам... и причащает его по ниже написанному указу».

Упомянутый же ниже устав есть чин «Како причастити больного». В этом чине показано, что по приходе иерея в дом больного он должен быть прежде исповедан. «Скончав же исповедание, – сказано далее, – разрешает его иерей сими словесы: *»Господь и Бог наш Иисус Христос Своею благодатию и человеколюбием да простит ти... и аз недостойный иерей... прощаю и разрешаю тя от всех грехов твоих«*», т. е. произносятся обыкновенные слова разрешения. Далее в примечании сказано: «Совершив же исповедание и разрешение, аще больной близ есть смерти и уже кончается, абие поклонився Божественным Тайнам, да возьмет я, и обращя к больному, да глаголет: *«Со страхом Божиим и верою приступите»*». Далее следует причащение.

б) Следует ли при приобщении больного читать разрешительную молитву *«Господь и Бог наш, благодатию и щедротами... простит ти, чадо»*?

Думают некоторые, что молитва в чине: «Како причастити больного»,

следующая за причастными молитвами и примечанием об исповеди и начинающаяся словами: «Господи Боже наш, Петрови и блуднице слезами грехи оставивый», есть именно разрешительная молитва; но чтобы видеть несправедливость такого понимания означенной молитвы, достаточно одного внимательного ее прочтения. В ней священник только просит Бога, чтобы Он принял исповедание кающегося и простил грехи его, но отнюдь не возвещает ему об этом прощении, как следует на основании приведенных слов Спасителя (Ин. 20–23). Сличая эту молитву с тою, которая в чине исповеди положена после устного исповедания пред словами разрешения и начинается словами: «Господи Боже спасение рабов Твоих», нельзя не убедиться, что обе эти молитвы имеют одинаковое значение: ими кающийся не разрешается от грехов, а только готовится к этому разрешению, испрашивается для этого благодать Божия, по коей священник разрешает грехи. Посему как в чине покаяния после молитвы «Господи Боже спасение рабов Твоих» читаются слова разрешения, так и в чине «Како причастити больного» после молитвы «Господи Боже наш, Петрови и блуднице» и т.д. **следует** (как это указано в Требнике Петра Могилы) **непрерывно произносить слова разрешения:** *"Господь и Бог наш Иисус Христос благодатию Своею и человеколюбием да простит ти"* и т. д., если только больной не был исповедан и разрешен заранее. Иначе и священник, слушающий исповедь и обязанный произнести суд свой о грехах его, останется в ложном положении, и совесть кающегося будет в неопределенном состоянии, так как не будет знать, прощены или не прощены грехи его.

Беседа № 5. О присяге (о позволительности и важности присяги)

I. Важные обстоятельства, при коих употребляется присяга, показывают, братия, ее необходимость и важность. Эти обстоятельства непременно требуют от нас, чтобы мы засвидетельствовали искренность своих намерений, слов и обещаний. Но чем утвердить и запечатлеть истину своих слов, напр., относительно лица или дела, коему мы еще не служили, или при безуспешном употреблении всех законных средств к уличению или оправданию, если не призыванием во свидетели Бога всеведущего, праведного и всемогущего, Которого призывание удостоверяет в истине и очищает от подозрения? ¹⁸

II. По древнему установлению и обычаю присягатель клянется пред Евангелием и Крестом, кои для нас служат высшими и выразительнейшими знаменами благодатного присутствия Господа, при поднятии десницы, как бы для указания на всевышнего Свидетеля, и с знаменем христианства – во имя Пресвятой Троицы, изображаемым тремя перстами поднятой руки. Клятва запечатлевается выражением искренности и единения – целованием Евангелия и Креста.

а) Употребление клятвы освящено словом Божиим, историей Церкви общей и русской.

аа) Необходимость и важность клятвы, или присяги, издревле открыл и освятил Сам Господь в Ветхом Завете. Писание говорит: *»Люди клянутся высшим, и клятва во удостоверение оканчивает всякий спор их«* (полагается конец произнесению клятвы) (Евр. 6:16). Посему Бог, не имея никого выше Себя, клялся Собою (Евр. 6:13; Быт. 12:16), святостью Своею (Пс. 88:36), именем Своим великим (Иер. 44:26). По указанию Господа, клятва в Ветхом Завете произносима была при частных и общественных делах, во имя Божие (Втор. 6:13; Быт. 26:28; Нав. 9:19), с поднятием правой руки па небо (Быт. 14:22; Втор. 32:40), а часто с положением ее под стегно (стегно – верхняя часть ноги) того, кому клянутся (Быт. 24:2; 47:29). Поднятие руки было выражением указания на Бога как свидетеля, а положение под стегно знаменем искреннего обещания. Так, и при ветхозаветном воцарении народ произносил клятву в верности и послушании царю. Царь Давид положил завет в Хевроне пред Господем всем старейшинам Израилевым; первосвященник Иодай, при воцарении Иоаса, *»заклучил Иодай завет между Господом и между царем и народом, чтоб он был народом Господним, и между царем и народом«*

(4Цар. 11:17). И этот завет, по словам Иосифа Флавия, был не что иное, как взаимная клятва или присяга» ¹⁹.

бб) Новый Завет также позволяет употребление присяги, или торжественной клятвы. Когда Иисус Христос на первосвященническом суде не отвечал на предлагавшиеся Ему вопросы, несмотря на все обвинения, какие взводились на Него людьми с продажной совестью, и несмотря на все требования сказать что-либо в Свое оправдание, то первосвященник обратился к Нему с следующими словами: «Заклинаю Тебя Богом живым, скажи нам: Ты ли Христос, Сын Божий» (Мф. 26:59–63)? Иисус Христос не только не сказал первосвященнику, что последний поступает нехорошо, прибегая к такому способу получить ответ, а напротив отвечал: «Ты сказал» (ст. 64), т. е. Иисус Христос принял присягу и под присягою показал, что Он действительно есть Мессия, Единородный Сын Божий. А что Спаситель в ответе Своем выразил принятие присяги, оспорить этого никак нельзя: слова первосвященника заключали в себе обычную у евреев клятвенную формулу, – ответ же Спасителя, выраженный словами «ты сказал», означает то, что Он, Спаситель, свидетельствует истинность Своих слов именно этим клятвенным призыванием Самого Бога во свидетели. *Так именно давалась присяга на суде обвиняемыми.* Ответ их на заклинательные слова судьи, выраженный словами: или *аминь*, или *да будет так*, или *ты сказал*, означал принятие присяги, т. е. формальное засвидетельствование истинности своих слов именем Самого Бога.

Что касается апостолов, то величайший из них, именно св. ап. Павел, неоднократно призывает в посланиях своих Самого Бога во свидетели истинности своих слов. Так, например, в своем Послании к Римлянам, вынуждаясь возможно более уверить их в своей любви к ним и в своей заботливости о них, апостол говорит: «Свидетель мне Бог, Которому служу духовным в благовествовании Сына Его, что непрестанно воспоминаю о вас» (Рим. 1:9). Во втором своем Послании к Коринфянам апостол этот, чтобы окончательно рассеять их недоумения касательно причин неприбытия своего в Коринф, пишет: «Бога призываю во свидетели, что, щадя вас, я доселе не приходил в Коринф» (2Кор. 1:23). В Послании к Филиппийцам, чтобы наиболее ободрить и утешить их, св. ап. Павел говорит: «Бог – свидетель, что я люблю всех вас любовью Иисуса Христа» (Флп. 1:8). Мало того: из посланий того же апостола можно видеть, что и самые первые христиане прибегали к клятве в случаях необходимости. В Послании к Евреям вот что между прочим пишет св. ап. Павел: «Люди клянутся высшим, и клятва во удостоверение оканчивает

всякий спор» (Евр. 6:16). Апостол, однако, не нашел нужным оговориться, что из этих людей, употребляющих клятву, исключаются лишь христиане, а это непременно он сделал бы, если бы неупотребление клятвы составляло одну из отличительнейших особенностей христиан. Затем, в Первом своем послании к Тимофею, в числе разных грешников поставляя и клятвопреступников, ап. Павел уже тем самым говорит, что с его точки зрения благочестивая клятва не преступна и что среди христиан она употреблялась в случаях особенной нужды. (См. брошюру проф. А. Гусева «Законность клятвы и присяги»).

вв) Клятва, или присяга, издревле употребляется в Церкви Христовой в делах важных и необходимых. По словам Тертуллиана, писателя III века, древние христиане по известному образцу произносили клятвенное обещание [20]. Св. Златоуст говорит, что древле клялись в церкви пред Священною Трапезою и пред Евангелием. У греков, при воцарении императора, произносима была всенародная присяга царю. По сказанию Никифора Грегораса (1365 г.), весь народ римский при воцарении Андроника Юного, или III, дал торжественную ему клятву. Патриарх же и собор священнослужителей заключили свою клятву в письмена, обещав, что как сами они, так и преемники их в управлении церковном будут хранить его царство.

В нашем отечестве крестное целование, или присяга, по точному смыслу Писания, издревле разрешала все сомнения. Присяга у наших предков имела столь обязательную силу, что в случаях необходимых разрешение клятвенной присяги совершалось Церковию. Так, в 1607 году, по восшествии на престол Шуйского, собором определили вызвать в Москву из Стариц патриарха Иова, чтобы он с патриархом Гермогеном соборне разрешил народ от клятвы, данной Годунову и всему его дому, низложенному нашествием самозванца. Подобное разрешение совершаемо было от клятвы, данной Лжедмитрию. Для разрешения от клятвы всенародно с амвона читана была архидиаконом прощальная, или разрешительная, грамота в неисполнении крестного целования. Присягу произносили у нас древле по особой чиновной книге, как и ныне она произносится по установленному руководству.

б) Соответственно великой важности клятвы необходима строгая разборчивость в выборе предмета достойного клятвы именем Божиим. Употребление клятвы в делах маловажных, мелочных, обыденных было бы недостойно великого и святого имени Божия. Такое употребление клятвы неизбежно уменьшало бы важность ее в памяти самого клянущегося, ослабила бы ее силу и действие на его волю и совесть. Поэтому

христианину запрещается божба и вообще употребление клятвы в делах совершенно частных. Поэтому же выбор и определение предметов достойных клятвы предоставляется не личному усмотрению каждого, а высшей государственной власти и административным и судебным органам. Наряду с государственною, также и церковная власть в особенных и несомненно важных в ее жизни случаях принимает клятву.

Государственная, общественная и церковная жизнь признает только четыре важнейших случая для достойного употребления клятвы, соответствующие четырем важнейшим моментам этой жизни: такова, во-первых, – клятва на верноподданство, во-вторых, клятва при вступлении в государственную службу, в третьих – клятва на суде и, наконец, клятва пред посвящением в сан иерейский и архиерейский.

В первом случае верноподданный закрепляет навсегда свою преданность главе государства, что необходимо для обеспечения прочности государственного союза в пользу общую; во втором – для той же пользы обеспечивает верность государственной и общественной службы; в третьем – неприкосновенность законных прав общества, семьи и каждого отдельного лица охраняется правдивыми показаниями свидетелей и приговором судей, подтверждаемыми клятвою; наконец, в четвертом случае вступающий на служение Церкви закрепляет свой духовный союз как с государством и его главою, так и в особенности со Святою Церковию и ее правительством. Употребляемая только в этих четырех случаях, имеющих несомненную важность в государственной и церковной жизни, клятва сохраняет свою, подобающую имени Божию, святость и свою силу, должным образом действующую на волю и совесть того, кто ее произносит. Указание, когда должно ее употреблять и когда не должно, не предоставляется произволу каждого лица, так или иначе заинтересованного в деле, но исключительно принадлежит государственной и церковной власти. Такое отношение некоторых видов клятвы к государственной власти не делает однако же ее актом чисто государственным, гражданским, только человеческим. Религиозный, вполне духовный, можно даже сказать – церковно-богослужебный, характер всех видов клятвы сохраняется в нашем государстве и в нашей Православной

Церкви во всей своей силе. Истинная и богоугодная клятва, о которой мы говорим, у нас обыкновенно называется присягою.

III. После это понятно, братия, как свято и верно должна быть сохраняема присяга, каким великим грехом, даже страшным преступлением должно считать нарушение клятвы.

1) Клятвопреступник сам себя лишает вечного спасения, которое он положил залогом верности своей клятвы. Он солгал пред Богом; он Бога призвал быть свидетелем неправды, как бы участником в своей неправде. Может ли что-нибудь быть богохульнее такого отношения к Богу и Его святому имени? Найдется ли на земле по суду человеческого правосудия наказание, вполне соответствующее тяжести столь великого преступления?

2) В законах уголовных наказание за лживую присягу полагается почти такое же, что и за богохульство, и даже за убийство, – наказание весьма тяжелое. Но и это наказание человеческие законы соразмеряют более со степенью вреда и соблазна, наносимых преступлением, нежели с нравственной важностью самого преступления. Преступность лжеприсяги и богохуления так велики, что человеческий закон считает выше своей власти назначать за то и другое вполне достойное наказание или отпущение. Если где, то именно в этих двух преступлениях, при всей строгости возмездия, назначаемого за них законом, остается во всей силе грозный голос ветхозаветного Законодателя: «Мне – отпущение, Я воздам» (Евр. 10:30; Втор. 32:35). И несомненно, отмстит Господь и воздаст за поругание Его святого имени в ложной клятве. Страшно впасть в руки человеческого правосудия, но еще более «страшно впасть в руки Бога живого» (Евр. 10:31). В большинстве случаев собственно и прямо за нарушение присяги человеческая власть и человеческий закон не полагают особенного наказания. Несомненно, что присяга нарушается при всяком преступлении или злоупотреблении по службе, и однако же наказывается собственно это преступление или злоупотребление; а несоблюдение присяги, обязывающей верно исполнять свою должность по службе, остается без всякого наказания. Но остается ли совсем безнаказанным? Не справедливее ли сказать, что оставляется суду и отпущению Божию? «Мне – отпущение, Я воздам, говорит Господь». Клятвопреступник есть самый дерзкий хулитель имени Божия. Кто же, кроме Самого Бога, будет отмстителем за оскорбление Его святого имени? Хорошо, если бы православный христианин, целующий слова и Крест Спасителя своего, ясно сознавал и всегда живо чувствовал над собою силу и тяжесть этой угрозы: «Мне – отпущение, Я воздам», этого страшного меча гнева Божия, висящего над главою клятвопреступника.

3) Еще древний отец Церкви (св. Василий Великий) заметил: «по опыту знаем, что клятвопреступники не бывают благоуспешны». Ежедневный опыт жизни убеждает нас в той истине, что гнев Божий рано или поздно постигнет клятвопреступника, а также и ложно присягающих.

Да убоимся же, братия, гнева Божия и будем со всем вниманием и благоговением относиться к присяге.

Приложение к беседе № 5.

А. Изречения слова Божия о ложной клятве

Господь запрещает клясться именем Его ложно: «Не клянитесь именем Моим во лжи, и не бесчести имени Бога твоего. Я Господь (Бог ваш)». (Лев. 19:12).

Наказание Божие угрожает тому, кто клянется во лжи: человек, часто клянувшийся, исполнится беззакония, и не отступит от дома его бич. Если он согрешит, грех его на нем; и если он вознерадел, то сугубо согрешил. И если он клялся напрасно, то не оправдается, и дом его наполнится несчастиями (Сир. 23:11–13). «И опять поднял я глаза мои, – говорит пророк Захария, – и увидел: вот летит свиток. И сказал он мне: что видишь ты? Я отвечал: вижу летящий свиток; длина его двадцать локтей, а ширина его десять локтей. Он сказал мне: это проклятие, исходящее на лице всей земли; ибо всякий, кто крадет, будет истреблен, как написано на одной стороне, и всякий, клянувшийся ложно, истреблен будет, как написано на другой стороне. Я навел его, говорит Господь Саваоф, и оно войдет в дом татя и в дом клянущегося Моим именем ложно, и пребудет в доме его, и истребит его, и деревья его, и камни его» (Зах. 5:1–4). «Ты погубишь говорящих ложь; кровожадного и коварного гнушается Господь» (Пс. 5:7). "Боязливых же и неверных, и скверных и убийц, и любодеев и чародеев, и идолослужителей и всех лжецов участь в озере, горящем огнем и серою. Это смерть вторая» (Откр. 21:8). «Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно, ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно» (Исх. 20:7).

Б. Рассказы о наказании Божиим за ложную клятву

1) Трое людей с клятвою подтвердили одну бесстыдную ложь (желая погубить св. Наркисса, епископа Иерусалимского, которого они не могли терпеть за строгость и постоянство его жизни и боясь его обличения), при этом изъявляя готовность понести в противном случае разные казни, первый – сгореть, второй – заболеть тяжкою проказою, а третий – ослепнуть. И что же? Над ними буквально сбылись все эти казни: тот сгорел, этот наказан болезнью с ног до головы, а третий в виду неизбежного наказания себе начал плакать и от слез лишился зрения. («Церковная история» Евсевия, кн. 6, гл. 9).

2) Однажды к св. Евтихию, патриарху Константинопольскому (582 г.), пришел слепец. «Давно ослеп?», – спросил патриарх. «Уже год», – ответил недужный. На вопрос: «Отчего болезнь случилась?» слепец рассказал следующее: «Я судился с одним человеком, и, чтобы выиграть дело, согрешил – подтвердил иск ложною присягою. Дело-то я выиграл, но за то вскоре после того ослеп. Помолись за меня, угодниче Божий!» Святой сжалился над несчастным, сотворил о нем молитву, и Господь послал слепцу прозрение.

Настоящий случай с клятвopеступником да будет всем спасительным уроком: суд человеческий можно обманут клятвopеступлением и лжесвидетельством, но Бога обмануть нельзя, и суд Божий строго наказывает призывающих всеу имя Божие («Четьи-Минеи», апрель).

3) К св. Милесу, епископу Сузскому, пришли два человека, которые друг друга обвиняли в воровстве и из которых каждый требовал, чтобы другой доказал невинность свою. Когда один из них согласился поклясться, св. Милес предварительно увещевал его не употреблять имени Божия во зло и не обманывать своего брата. Но нечестивый человек, презрев увещание св. Милеса, произнес клятву. Тогда св. Милес сказал ему: «Ежели клятва истинна, ты возвратишься домой здоровым, но ежели ты употребил ее во зло, то, подобно Гиезию, немедленно поражен будешь проказою, и со стыдом возвратишься домой». И ложно клявшийся тотчас поражен был проказою. («Христианское чтение», ч. 26).

4) Еще поразительный случай Божия наказания за ложную клятву, постигшего крестьянина Подольской губернии, Могилевского уезда, села Носековки, Ивана Подорожняка. Дело было так: жил этот крестьянин в работниках у еврея, был нечист на руку и много раз был хозяином

заподозрен в воровстве. Наконец, Подорожняк украл «барду» (топор); все улики были против него, но он никак не хотел сознаться в своей очевидной вине. Хозяин еврей пожаловался уряднику, который стал производить дознание о краже крестьянина Подорожняка. Тут Подорожняк предложил подтвердить свою якобы невинность присягой. Положен был на стол Святой Крест и хлеб. Подорожняк стал на колена и сказал: «Господи! если я виноват в этой краже, то пусть помрет мое единственное дитя». Произнесши эту ужасную клятву, Подорожняк встал и смелым взором обвел всех присутствующих, как бы торжествуя, что всех перехитрил и провел. Но не обманул он, несчастный, Господа Бога! Не прошло и четверти часа, как вбежала в хату, где допрашивали Подорожняка, жена его и с горькими слезами объявила о скоропостижной смерти своего единственного дитяти, которое пред тем было совершенно здоровым. Все были поражены; Подорожняк остолбенел от страха кары Божией и тотчас раскаялся в ложной своей клятве и сознался в воровстве. («Воскресное чтение» 1888 г. стр. 223–224).

Беседа № 6. О молебных пениях на разные случаи

I. Чем прилежнее мы, братия, станем вникать в сущность треб церковных, тем с большею ясностью и отчетливостью пред нашими грешными взорами будет изображаться нежный, ласковый и приветливый лик нашей Святой, заботливой и любящей Матери Церкви, тем шире раскроется пред нами ее неусыпное, неустанное попечение о нас. Ее любовь не ограничивается ревностными заботами о душах наших, о нашем вечном – небесном благе; наше земное существование, наше временное благополучие – тоже важный предмет ее попечений. Убедительное доказательство первого (т. с. забот Церкви о нашем спасении) мы видим в Святых Таинствах, – достаточным подтверждением последнего (т. е. попечений Церкви о земном нашем благосостоянии) служат молебные пения.

II. Молебные пения, существующие у нас, приспособлены Церковью к различным случаям нашего земного бытия. Вся жизнь наша есть неразрывная цепь различных перемен, которые мы называем случаями, или обстоятельствами: случайные события, как в общественной, так и в частной домашней жизни каждого, бывают радостные или печальные. Радостные: благорастворение воздуха, обилие плодов, счастливые домашние приключения и т. п.; печальные: повальные болезни, нашествие неприятеля, бездождие, безведрие, мор скота, домашние невзгоды, несчастия и прочее. И в тех, и других обстоятельствах Святая Церковь оказывает самое живое и искреннее участие к нам и с своими трогательными молитвами и обрядами спешит разделить вместе с нами чувства наши.

а) В счастливые минуты нашей жизни мы спешим благодарить нашего Господа Благодетеля, и Святая Церковь влагает в уста наши песнь: «Благодарни суще недостойнии раби Твои, Господи, о Твоих великих благодеяниях на нас бывших, славяще Тя хвалим, поем, благодарим и величаем Твое благоутробие и рабскою любовью вопием Ти: Избавителю и Спасе наш, слава Тебе» (тропарь благодарственного молебна). Но благодаря Вышнего Подателя всех щедрот, Церковь, в то же время, «смирненно молит безмерное милосердие Его и на предняя не оставлять чад ее без Своей великой милости» (молитва на благодарственном молебствии).

б) Нас постигло несчастье, горе, мы ищем утешения у себе подобных, – но не находим его. Когда же слово человеческое отказывается от

утешения тогда слышится слово Божие: «*Утешайте, утешайте народ Мой*» (Ис. 40:1). И вот Церковь, в лице своих представителей, идет на помощь к нам с обычным своим средством умиленными молебными молитвами. «Благоутробне, долготерпеливе и всещедрыи Господи, – взывает она, – ниспосли милость Твою на люди Твоя. Многомилостиве, помилуй, помилуй нас, Господи. Яко щедрыи, Господи, умилосердиси на люди Твоя, яко долготерпеливи примирися и помилуй ны» (последование литии).

Если прислушаться к церковным молитвам и песнопениям, приуроченным к тем или другим случаям, нетрудно заметить, что в них везде дышит сильное чувство. В благодарственных молебствиях, поемых по случаю каких-нибудь радостных событий, повсюду видится светлая торжественность, веет чувство веселящейся души; в молебствиях же на случаи различных бедствий слышится вопль молящегося сердца, – но сердца христианского, мрачная скорбь которого озаряется всегда блестящим лучом надежды на великую милость Божию.

Беды, постигающие нас в *наказание* ли за неблагочестивую жизнь нашу, *для исправления нашего*, бывают бесчисленны и различны (Иак. 1:2–4). Но во всех них, как замечено, мы не бываем беспомощными. Усматривая действия грозной руки Всевышнего, Святая Церковь старается защитить нас силою своих пламенных молитв. В этих последних видно все любвеобильное сердце неизреченно доброй матери, которая искренно разделяет все печальное положение бедных чад своих.

Сорадуясь в счастья и действительно сострадая в горе нашем, Святая Церковь своими усердными молитвами старается помочь нам во всех начинаниях и предприятиях и благословить все наши добрые дела.

Хотите ли вы, с Божиею помощью, строить себе дом, – она посылает своих служителей освятить его основание и в теплых молитвах испросить благословения великого Архитектора на успех начинающегося дела. «Дело рук наших к славе Твоей начинаемое, – устами наших пастырей молится она, – Твоим благословением спешно исправи, силою Твоею в совершенство скоро приведи» (тропарь). «Утверди его (сей дом) на твердом камени и основай по Твоему божественному евангельскому гласу, егоже ни ветер, ни вода, ни ино что повредити возможет» (молитва).

Вы построили свой дом: Церковь повелевает окропить его святою водою, четыре главные стены крестообразно знаменовать св. елеем, с произношением все освящающих слов: «Благословляется сей дом помазанием св. елея сего, во имя Отца, и Сына, и Святого Духа»; она уверяет, что со входом служителей Христовых входят в новый дом ангелы

Божии (тропарь); она умоляет Господа, чтобы Он Сам даровал новому жилищу то же спасение, какое принес в дом Закхеев, чтобы благословил его таким обилием, какое было в доме Лавана с пришествием Иакова, в доме Пентефрия с водворением Иосифа, в доме Аведдаровом с внесением кивота (молитва вторая).

Хочет ли кто отправиться с Богом в путь-дорогу, – Церковь спешит и нему с своими трогательными молитвами, с святым напутственным благословением. Она умоляет Всевышнего – «сопутствовать чаду ее, как сопутствовал Ом некогда Луке и Клеопе, шедшим в Эммаус», она просит Создателя, чтобы Он «послал ему, как некогда благочестивому юноше Товии, своего ангела, ангела мирна, спутника и наставника, сохраняющая, защищающая и невреждимо соблюдающая от всякаго злаго обстояния»; она молит Господа, «да благословит Он путешествовати хотящего от всех видимых и невидимых врагов, и лукавых человеков озлобления и благословит исходы и входы и шествие его безмятежно и благополучно сотворити».

III. Говоря, что жизнь наша есть неразрывная цепь различных перемен и случайностей, мы должны еще добавить, что, с другой стороны, она представляет собою и целый, бесконечный ряд забот и попечений о нас нашей великой Матери – Церкви. От колыбели до могилы Церковь ведет нас, освещая нам путь, наставляя нас, благословляя, освящая и направляя все наши мысли, чувства, желания и дела к одной цели – к вечному благу. (Сост. по «Воскресное чтение». 1870–71 г.).

Приложение к беседе №6.

А. Историческая справка о древности молебствий

Молебные песнопения в своей основной форме современны нашей Церкви, употребляются ею со времен апостольских, – ибо чада ее всегда имели нужду в освящении ее молитвами, в ее помощи (См. «История богослужбных песнопений Православной Восточной Церкви», Флоринского, стр. 22). Василий Великий, отец IV в., во время засухи молился Господу о помиловании погибающих.

Преподобный Симеон Столпник (IV в) во время страшного землетрясения, разрушившего славный город Малой Азии – Антиохию, своею глубоко-трогательною песнию утешил и ободрил, облегчил и привел в умиление смущенный народ, стекшийся в ужасе к его столпу. Эта песнь св. мужа и теперь читается в подобном случае («История богослужбных песнопений Православной Восточной Церкви», Флоринского, стр. 105–106). Из этих двух примеров уже можно видеть подтверждение того, что наши молебные песни в главном и существенном употреблялись в церковной практике с самых древних времен.

Б. Молебное пение при начатии учения отроков

I. Освящая плод супружества – детей – молитвою, христианским именем, духовно возрождая их в Таинстве Святого Крещения, утверждая чрез Миромомазание, питая чрез Св. Причащение, Православная Христова Церковь содействует родителям, согласно врожденному их чувству любви к детям своим, – содействует возрастить и сделать их благополучными на земле и блаженными на небеси. Полный успех воспитания и обучения детей, подобно плодоносию земли, зависит от Господа Бога, Который *«дает мудрость; из уст Его – знание и разум»* (Притч. 2:6): при всем желании и трудолюбии земледельца, при всей заботливости родителей и учителей, намерения и труды земледельца и воспитателей часто остаются без вожделенного успеха: так как *«насаждающий и поливающий есть ничто, а все Бог возвращающий»* (1Кор. 3:7). Вполне понимая немощь и скудость наших естественных усилий в успешно правильном просвещении детей наших, Святая Церковь и спешит к нам на помощь с молитвою и благословением на нас и на чад наших, совершая *молебное пение при начатии учения отроков*.

II. Молебное пение при начатии учения отроков, после благословения от священника, начинается пением молитвы Святому Духу (Царю небесный...) Дух Святой – Утешитель и Наставник небесный, Он – Дух истины, Сокровищница всех благ духовных, Податель жизни не земной только и естественной, а и духовной, благодатной, вечной, Он – Господь животворящий и просвещающий светом богопознания и согревающий теплотою любви всякого христианина, расчищающий ниву сердец наших и истребляющий все нечистоты греховные. *«Вся подает Дух Святой, – поет Церковь Христова, – точит пророчества, священники совершает, не книжные мудрости научи, рыбаки богословцы показа...»*, ибо Он есть *«свет и живот, и живой источник умный; Дух премудрости, Дух разума; благий, правый, умный; обладай, очищай прегрешения; Бог и Боготворяй; огонь от огня исходяй; глаголай, дейай, разделяй дарования»*²¹. По изречению св. ап. Павла, *«мы не знаем, о чем молиться, как должно, но Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными.»* (Рим. 8:26); даже *«никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым»* (1Кор. 12:3)...

Словами положенного, далее, на молебном пении псалма *«Благословлю Господа»* Церковь Христова указывает нам и детям нашим главный источник истинной премудрости и изображает черты этой

премудрости. Богодухновенный царь пророк как бы так говорит: «Господь Бог – вот единственный источник просвещения и соединенного с этим просвещением сердечного утешения и насыщения, блаженства духовного. Приступите же, дети, к Отцу небесному, приблизьтесь к Нему верою, любовию, упованием, – и Он просветит вас светом божественного учения; вкусите Его учения, вкусите своим сердцем, – и вы сами испытаете такое неизреченное блаженство, какого никто и никогда в мире дать не может, кроме Его одного!» Псалмопевец указывает вместе с тем первоначальные, простейшие правила премудрости, которой научает нас Господь, именно, чтобы дети паши удерживали язык свой от зла и уста свои от коварных слов, так как в настоящем возрасте своем они по преимуществу и согрешают языком своим, – чтобы они вообще уклонялись от зла и творили благо, чтобы искали мира и следовали за ним...

После псалма мы пред лицом Самого Вседержителя или как бы у самых ног Его высказываем свои душевные нужды. К обычным молениям нашим Святая Церковь прилагает еще следующие весьма благопотребные в настоящий раз прошения: «О еже ниспослати на отроков Духа премудрости и разума, отверзти ум и уста к приятию, уразумению и памятованию добрых и душеспасительных наставлений; о еже всадити в сердца их страх божественный и тем отнять от них буесть юности; о еже prospеяти им премудростию и возрастом во славу Божию; о еже быти им ради премудрости и добродетельнаго жития и благостояния в православной вере радостию и утешением для родителей своих, а для Церкви Православно-Кафолической утверждением».

В читаемом на молебне при начатии учения отроков Послании апостольском (Еф. 1:16–19; 3:18–21) мы, братие, слышим уверение, что апостол Христов нашу молитву восполняет своею молитвою, непрестанно творит поминовение о нас и желающих начать учение чадах наших в молитве но Господу, да даст Он всем нам Духа премудрости и откровения в познание Единородного Сына Его Господа нашего Иисуса Христа, да дарует Он всем нам просвещенные очи сердца, дабы уразуметь безграничную любовь Христову к нам. Вместе с тем св. апостол удостоверяет нас, что щедродаровитый Отец небесный всегда готов дать нам, по неизреченной любви Своей, гораздо более, чем сколько мы просим или желаем для своих чад...

Еще отраднее, утешительнее и вожделеннее для нас должна быть весть, которую мы слышим в Евангелии, читаемом на молебном пении при начатии учения отроков (Мк. 10:13–16). В этом евангельском чтении

Церковь Христова как бы так говорит нам: «Не смущайтесь духом, приводите смело детей своих ко Господу Иисусу Христу; Он принимает детей с особенною нежностью и неизреченною любовью, – Христос Спаситель обнимает их и благословляет на подлежащие им труды в образовании; ведите же смело к Нему детей своих, вы тем доставляете радость Господу, блаженство детям и утешение самим себе! Поймите вместе с тем, как неблагоприятно Господь Иисус Христос взирает на тех людей, которые каким бы то ни было образом препятствуют детям получить истинно-христианское просвещение, возбраняют им верою и любовью приблизиться к Отцу небесному; Спаситель негодует, гневается на таких людей, – Он ясно уверяет, что детям-то и принадлежит Царствие Небесное!»

После евангельского чтения, представляя мысленно, что и наших детей Господь Иисус Христос обнимает и благословляет, мы повергаемся в прах пред Ним и в умилении сердца возносим к Нему следующее моление устами священнослужителя: «Господи Боже и Спасителю наш, Ты почтил образом Своим нас, человеков; Ты научил избранных Твоих так, что дивились внимающие учению Твоему. Ты открыл премудрость младенцам, Ты Соломона и всех ищущих премудрости Твоей научил, – отверзи сердца, ум и уста рабов Твоих, чтобы они прияли силу закона Твоего, с успехом познали преподаваемое им полезное учение во славу пресвятого имени Твоего, в пользу и созидание Святой Твоей Церкви и уразумели благу и совершенную волю Твою. Избавь их от всякаго налога вражия, соблюди их в православной вере, во всяком благочестии и чистоте во вся дни жизни их, да преуспеют в разуме и во исполнении заповедей Твоих, да, тако предуготованные, прославят имя Твое и будут наследниками царствия Твоего!»

Заканчивая молебное пение, служитель алтаря Господня, по примеру Христа Спасителя, некогда возлагавшего на детей руки и благословлявшего их, возлагает на молящихся пред начатием учения отроков руку свою, благословляет их;

осеняет Честным Крестом детей наших и дает им целовать Святой Крест в знамение того, что подлинно Сам Господь обнимает их и лобзает святым лобзанием Своим, – окропляет освященною водою в ознаменование благодати Духа Святого, орошающей души детей и освящающей их силы дарования.

III. Так, братие, полно, глубоко Православная Христова Церковь понимает желания сердца нашего при начатии учения отроков; и словом Божиим и своими священнодействиями она уверяет нас, что Господь

благословляет, обнимает и освящает детей наших. Будем внимать всем сердцем своим материнским вещаниям Святой Церкви, будем сочувствовать всею душою молениям ее за нас; она подаст нам истинное утешение, истинную радость в детях наших. Главная задача нашего образования и развития, главная цель нашего обучения и просвещения состоит в том, чтобы первее всего познать и возлюбить всем сердцем Господа нашего Иисуса Христа, Единородного Сына Божия, пас ради воскресшего, вознесшегося на небо и сидящего одесную Бога Отца. И если мы, родители, не учим дома детей своих необходимо потребным в жизни христианской предметам – молитвам, закону Божию и не отдаем чад своих в школу, где они этому могут научиться; если мы, воспитатели и учителя, так располагаем предметы своих занятий, что в образовании доверенных нам детей забываем развивать в детях веру в Господа Искупителя, любовь к Нему – мы этим возбуждаем против себя негодование и праведный гнев Вседержителя, мы отстраняем детей от Господа, возбраняем им приходить, приближаться к Нему верою, любовью, молитвою, тогда как сама природа влечет детей ко Христу Спасителю... Дети! глубоко, глубоко запечатлейте в сердцах своих слышанные вами евангельские слова и не будьте легкомысленны, невнимательны, неблагонравны, дабы не оскорбить, не прогневать чем-либо любящего вас Спасителя. Молим о вас Отца светов, *«но возрастайте в благодати и познании Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа. Ему слава и ныне и в день вечный»* (2Петр. 3:18)! Аминь. (См. ки. «Слова, беседы и речи на разные частные случаи». Киев).

В. Чин освящения (при основании) нового дома

I. Благословляя христианина на всех путях жизни, Православная Христова Церковь исходит с ним на благословение дома, им устрояемого, – в лице служителя алтаря Господня является подательницейю освящения жилищу христианскому. И многообразна эта заботливость о нас Матери нашей – Святой Церкви: нужно ли нам совершить закладку нашего дома, потребно ли устроить печь в новосозданном жилище, наступило ли, наконец, время перейти нам в новый дом наш, – Святая Церковь всегда спешит к нам на помощь со своими трогательными обрядами и священнодействиями.

II. Остановимся, братие, своим вниманием на этих действиях Церкви Божией, дабы яснее видеть всю безграничную любовь ее к нам и попечение о нас.

Непреложно веруя, что, *«если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его» (Пс. 126:1)*, вполне понимая свое собственное бессилие, свою нищету, убожество без Господа Бога, – православный и богобоязненный христианин призывает на место основания создаваемого дома своего служителя Господня, прося его молитв и освящения, прибегает и сам к Зиждителю всяческих с усердною, пламенной молитвою. Боже, в помощь мою вонми! Так Святая Церковь гласом богодухновенного царя-пророка выражает чувствования, волнующие душу христианина при начале основания дома. *«Поспеши, Боже, избавить меня, поспеши, Господи, на помощь мне... Я же беден и нищ; Боже, поспеши ко мне! Ты помощь моя и Избавитель мой; Господи! Не замедли» (Пс. 69:2,6)*! Если, братие, приходится строить дом человеку небогатому, у которого мало средств, как трогательно бывает тогда это моление св. псалмопевца! Впрочем, и при богатстве, при великих стяжаниях – разве человек без Бога не есть нищий и убогий?.. Своим молитвенным чином на основание дома Церковь Христова вразумляет христианина, что построение дома должно напоминать земнородному о создании и устроении мира Творцом всеблагим, премудрым, всемогущим: ко Господу Вседержителю возводит она очи и сердце христианина, умоляет Отца небесного, чтобы Он, как при создании неба и земли явил неизреченное могущество и премудрость, так и здесь показал Свою благодать и силу в пособие начинающегося дела. *«Дело рук наших, к славе Твоей начинаемое, – молит Святая Церковь устами своего священнослужителя, – Твоим благословением спешно исправи, силою Твоею в совершение скоро приведи! Боже Вседержителю,*

сотворивый небеса разумом и основавый землю на тверди ея, призри на раба Твоего (строителя), изволившаго в державе крепости Твоея воздвигнути дом в жилище себе!» Она желает, чтобы имеющее воздвигнуться здание было твердо и непоколебимо; как храмина евангельская (Мф. 7:24–25); «утверди ею, – молится священник ко Господу, – на твердом камени, и основой по Твоему Божественному евангельскому гласу, еюже ни ветер, ни вода, ни ино что повредити возможет». Церковь Христова повелевает, чтобы первое основание дому полагал ее священнослужитель со знаменем Креста Господня и с призыванием всемогного имени Святой Живоначальной Троицы: «Основывается дом сей во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа»; место, вещество, работающих – все, относящееся к новосозидаемому дому, она заповедует окроплять св. водою, дабы Господь все сохранил от всякого навета *сопротивного*, без вреда. Так заботливо и любвеобильно печется о нашем жилище Православная Христова Церковь еще в первые минуты его начатия!

Но вот дом ваш устраивается окончательно: в нем сложена печь, – закончена последняя работа, после которой вам можно будет перейти в него для житья. Святая Церковь совершает последование над пещию: освящает новую печь в жилище вашем и снова испрашивает у Господа Бога благословения на вас, строителей, и на дела рук ваших. «Боже вечный! – взывает служитель Господень, – Ты пременял разжженную седмикратно пещь и пламень вавилонский в росу и сохранил невреденными вверженных в нее, по повелению царя Навуходоносора, святых трех отроков: Ананию, Азарию и Мисаила. Сам благослови и пещь сию ради великой Твоей милости: благослови в ней дела рук рабов Твоих, благопоспеси им благим содействием Твоим и исправи их по множеству щедрот Твоих!» В ходатаи и молитвенники за вас в этом случае Святая Церковь призывает, кроме Пресвятой Владычицы нашей Богородицы, св. архангелов Михаила и Гавриила, многократно являвших силу над огнем, – св. священномученика Киприана, который, обратившись ко Христу, побеждал молитвами своими силу исконого врага нашего, – призывает святителя Николая, который есть многомилостивый и благосердый помощник и заступник всем, с верою призывающим его, есть неистощимое милостей миро и неисчерпаемое чудес море.

III. Да, братие, до малейших подробностей доходит Святая Церковь, в своей заботливости к нам, все обозревая своим любвеобильным материнским оком, на все налагая божественную печать; – и похвально обыкновение тех христиан, кои даже на устроение новой печи требуют

вспомогательных молитв церковных – и именно для того, чтобы из новых пещей тогда же или впредь не последовало какого-нибудь зла ко вреду их. (См. «Слова, поучения и беседы на разные случаи», Киев).

Г. Чин благословения нового дому, в нем же хочет кто вселиться

I. Нежны и усердны материнские попечения Святой Церкви Христовой бывают тогда, когда она желает ввести христианина в новосозданный им дом. В своей заботливости о своих чадах Святая Церковь установила особый молитвенный «чин благословения нового дому, в нем же хочет кто первое вселиться...»

II. Вот, наконец, жилище ваше совсем готово. Священнослужители приносят в новый дом ваш Животворящий Крест и Святое Евангелие, которые служат несомненным свидетельством и очевидным доказательством того, что Сам Христос Спаситель благоволил взойти под сень жилища вашего; вместе с тем приносятся сюда освященная вода и елей, которые служат видимыми знаменами невидимого благодатного освящения и милостей Божиих к вам, а поставленные в доме вашем св. иконы и пред ними свечи и лампы горящие суть свидетельство того, что в жилище вашем вместе с вами будут обитать святые небожители, – что дом ваш отселе становится как бы храмом Божиим. Воздавши устами священника торжественное слово хвалы и славословия Богу в вашей новой храмине, Святая Церковь затем богодухновенными словами царя Давида (Пс. 90) старается не только ободрить, а и усугубить радость вашу, уверяя что вы, живя в новом доме своем под кровом Всевышнего, будете спокойно и мирно водворяться в тени Всемогущего. С детскою любовью и дерзновением вы можете говорить Господу: *»Ты прибежище мое и защита моя, Бог мой, на Которого я уповаю!«* Вы смело можете быть уверены, что Господь избавит вас от всех коварств и наветов исконного врага нашего, уловляющего вас в свои сети, – *»перьями Своими осенит тебя, и под крыльями Его будешь безопасен«*, – что при его защите вы не убоитесь ни ужасов ночи, ни стрелы, летящей днем, ни язвы, ходящей во мраке, ни заразы, опустошающей в полдень. Не коснется вас зло, и удар не достигнет жилища вашего, ибо Господь ангелам Своим заповедь даст касательно вас – охранять вас на всех путях ваших: они на руках понесут вас, так что вы не преткнетесь о камень ногою вашею; вы на аспида и василиска наступите, попираете будете льва и дракона, т. е. злейших духовных и невидимых врагов наших. *За то, что он возлюбил Меня*, так от лица Божия вещает богодухновенный псалмопевец всякому истинному христианину, живущему под кровом Всевышнего, *»избавлю его и прославлю его, долгою дней насыщу его, и явлю ему спасение Мое«*.

Церковь Христова уверяет, что со входом служителей Христовых входят в новый дом ваш св. ангелы Божии; она умоляет Господа Искупителя, чтобы Он Сам новосозданному жилищу даровал то же спасение, какое некогда принес в дом Закхеев, чтобы благословил его таким же обилием, какое было в дому Лавана с пришествием праотца Иакова, в дому Пентефрия – с водворением Иосифа, в дому Аведдара – со внесением кивота... *Большой ради чести господину дома Святая Церковь* повелевает служителю своему прочесть Евангелие о посещении Христом Спасителем дома Закхеева (Лк. 19:1–10). *«Сегодня надобно Мне быть у тебя в доме»*, – так вещает милосердый Господь Иисус Христос и всякому домохозяину христианину, подобно тому как Он вещал начальнику мытарей – Закхею. И как радостны должны быть эти слова Спасителя для всякого сына Церкви Христовой, при благословении Господнем водворяющегося в земном жилище своем! А еще радостнее отзываются в христианской душе дальнейшие слова Господа: *«Ныне пришло спасение дому сему»*. По прочтении Евангелия прилагается особое умиленное моление о вас и о вашем жилище: *«О еже ниспослати благословенные Свое на новосозданный дом сей и на раба сего – домохозяина – и на всех в нем благочестно жити хотящих, и послати им ангела Своего милостива, соблюдающа и сохраняюща их от всякого зла, и наставляюща к деланию всех добродетелей, о еже сохранить их от глада, губительства, труса, потопа, огня, меча и даровати им здравие, и долгоденствием оградити их, и во всем угобзити...»* По окончании молебного пения священник окропляет весь дом и все принадлежащие к нему строения св. водою, а четыре главные стены крестообразно помазует св. елеем, произнося следующие многознаменательные, всеосвящающие слова: *«Благословляется сей дом, помазанием святаго елея сего, во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа»*.

IV. Видите, братие, как заботливо печется о вашем жилище Православная Христова Церковь! Мало того, что труды ваши по построению здания окончились, что вы имеете новое жилище для себя и для чад ваших, – дом ваш делается святынею, которую удостоил посещением Сам Господь Иисус Христос, – делается храмом Божиим, где вы вместе с детьми и домочадцами вашими будете возносить свои молитвы. Светлая, отрадная будущность предстоит вам в сем новом жилище по молитвам Церкви Божией! Не выходите только сами вы из под покровы Всевышнего уклонением от Его заповедей, своевольным удалением на *страну далече* – в область греха и нравственной тьмы; а Он, Вседержитель, явит вам чудеса Своего всемогущества, премудрости и

благости! Дабы однажды навсегда дать вам наставление, как вам вести себя в своем новом доме для сохранения внесенной в него святыни, Церковь Христова на богослужении при освящении дома предлагает один из самых назидательных псалмов (Пс. 100), представляя в нем образец, которому мы должны подражать в своей домашней жизни, – образец до того упрощенный, что в нем указаны все мельчайшие подробности вашего домашнего быта и поведения. Среди целодневных ваших занятий ваша мысль должна быть устремлена, главным образом, на то, как бы вам в жизни своей не потерять главного и великого пути к вечному спасению: об этом думайте पहले всего и паче всего! Праведник, о котором говорится в псалме и которому вы должны подражать в домашней жизни своей, взывал к Богу: *«Буду размышлять о путы непорочном: когда ты придешь ко мне Господи?»* Если эта мысль крепко утвердится в душе вашей, она не будет бесплодной для вас: она тотчас проявится в спасительной для вас деятельности и, скорее всего *в непорочности сердца вашего*; каждый поступок ваш, каждое движение ваше покажет, что сердце ваше занято и преисполнено любовью к Отцу небесному и любовью к ближним; это будет понятно всякому вашему домочадцу. Начнете ли вы размышлять или говорить о чем, или слушать что, – *не полагайте пред очами своими вещи непотребной*; приметесь ли за свои домашние дела, – поступайте так, чтобы все видели и знали, что *дела законопреступные вы ненавидите и не прилепляетесь к ним*. В выборе друзей и знакомых своих будьте осмотрительны; праведник, коему вы должны подражать, говорит о себе: *«Сердце развращенное будет удалено от меня; злого я не буду знать. Тайно клеветующего на ближнего своего изгоню; гордого очами и надменного сердцем не потерплю»*. В выборе самой прислуги своей будьте осторожны и разборчивы: пусть служит при вас человек, который ходит *путем непорочности*; пусть не будет в доме вашем тех, кто *поступает коварно*; пусть не остается пред глазами вашими тот, кто *говорит ложь*. С раннего утра истребляйте всякий повод ко греху, отдаляйте от себя всех *делающих беззаконие*.

III. Живите так, братие, в сем новозданном земном жилище своем – и оно навсегда пребудет для вас кровом Всевышнего, – благодать Божия, мир и святыня, внесенные Святою Церковью в него, навсегда починут в нем, – и, оставив рано или поздно это временное жилище, вы сподобитесь в загробной жизни водвориться на небесах в тех пресветлых обителях, которые никогда не разрушатся и не обветшают, а будет существовать вечно в совершенной красоте! Аминь. (См. кн. «Слова, беседы и речи на разные случаи», Киев).

Д. Литии во время общественных бедствий

I. В начале благословенная Богом земля до грехопадения людей не угрожала никакими бедствиями человеку; не было ни землетрясений, ни пожаров, ни наводнений и смертоносных поветрий. Не то стало после того, как согрешили первые люди: проклята земля за тебя, сказал Бог Адаму; проклята земля и все, что на ней, что в ней и что вокруг ее; с тех пор все земное вооружилось против человека и поражает ужасными бедствиями живущих на земле. То наводит Господь на землю трус – землетрясение, а как страшен тогда гнев праведного Судии! Земля колеблется, как лист от дуновения ветра. Тогда целые богатые города разрушаются, твердыни каменные рассыпаются, как слабая глина, или поглощаются со всеми живущими; тысячи людей погребаются под развалинами своих домов или вместе с ними поглощаются землей. То страшный огонь небесный и подземный, по поущению Божию, поражает живущих на земле: *«Господь произвел гром и град, и огонь разливался по земле»* (Исх. 9:23). Господь пролил на нечестивые города Содом и Гоморру дождем серу и огонь. И ниспроверг Господь города эти и всех жителей их. Подземный огонь прорывает землю; горы трескаются, как глиняные сосуды, и ужасная подземная лава в один час потопляет целые города с жителями и их домами; то ужасный зной поражает землю и губит всякое растение на земле, или, напротив, дождь неудержимо стремится на землю, воды выходят из своих пределов, в несколько часов затопляют тоже целые большие города с тысячами жителей; то поднимаются страшные ветры, несущие с собою заразу и смерть живущим на земле; то угрожает нам губительство и голод: *если не послушаете Меня, говорит Господь «земля ваша не даст произрастений своих, и деревья земли (вашей) не дадут плодов своих»* (Лев. 26:20).

II. Когда праведный Судия небесный посылает за грехи людей на землю эти страшные бедствия, Святая Церковь для умилоствления Господа установила совершать *литии*, т. е. усерднейшие моления – молебствия. Для совершения литии священнослужащие и народ со св. иконами выходят из храма на площади, на реки, на поля. Почему же не в храме совершаются литии? Литии совершаются вне храмов «в воспоминание нашего отпадения (от Бога), что мы, отпадшие, должны смиряться и помышлять, что недостойны св. места, рая и небес (храм изображает небо и рай), что мы должны подражать мытарю», который считал себя недостойным по своим грехам стоять в храме, а стал позади

всех. На перекрестках, площадях и полях возносятся усерднейшие наши молитвы, чтобы все, оскверненное нашими грехами, очистилось. Выносятся из храмов св. иконы, чтобы вместе с людьми свяtilось и все то, чем люди пользуются, и дома их, и пути, и вода, и воздух, и земля, нами оскверненная, наши города и селения; чтобы все это удостоилось божественной благодати и освободилось от порчи и тления, чтобы был к нам милостив воплотившийся ради нас Сын Божий».

На литиях произносятся самые усердные, пламенные молитвы о помиловании нас, грешных. «Благоутробне, долготерпеливе и всещедрый Господи, ниспосли милость на люди Твоя. Милостиве, помилуй, помилуй, помилуй нас, Господи! Яко щедрый, Господи, умилосердися на люди Твоя, яко долготерпелив, примириися, и помилуй ны» (Последование на различные литии). «Возгремел еси с небесе, Господи, и молнию умножил еси, и смирил еси нас. Но примириися, – молимся мы ко Господу, – Благоутробне, к Тебе прибегаем, – да не попалит нас ярость молний и громов Твоих». Молитва всегда угодна Богу; тем более преклоняется на милость Господа усерднейшая молитва, соединенная с постом и покаянием. Вот и примеры тому. Однажды (в 446 г.) в греческой земле было ужасное землетрясение; царь и народ со св. иконами вышли на открытое место и здесь долго и усердно молились об отвращении страшного бедствия; в это же время христиане научились ангельской песни «Святой Боже»; один отрок невидимою силою был поднят на воздух и, спустившись невредим, объявил, что он слышал ангелов, поющих «Святой Боже...» Христиане еще усерднее стали молиться и петь ангельскую песнь с прибавлением слов: *помилуй нас*. Господь услышал усердное моление Своих рабов и страшное землетрясение прекратилось. Другое тоже страшное землетрясение, бывшее в Царьграде (740 г.), прекратилось после общественного молебствия, или литии (Месяцеслов 26 окт.). (См. «Воскресное чтение»).

III. Так, братие, Господь милостив к нам, грешным. И громы, и молнии, и землетрясения, и бури прекращаются по усердной молитве нашей.

Е. О благочестивом обычае в нарочитые праздники принимать священников со Крестом и св. водою для молебствия в домах

I. Святая Церковь, оберегая чад своих от греховного падения, в нарочитые праздники освятила обычай чрез своего служителя предсылать свое охранительное благословение в самые дома ваши. Вот для чего в большие праздники священники приходят в дома прихожан с Крестом и святою водою. Предки наши понимали цену сего благочестивого обычая, и праздничное время, после церковного богослужения, любили проводить с священниками, часто принимать осенение Животворящего Креста, кропление святою водою и тем сохраняли себя от неподобных дел, достаивались благодати и получали многообразные свыше силы.

II. 1) Обычай этот установлен, быть может, по примеру нашего Спасителя: ибо радость Своего воскресения Он Сам принес Своим апостолам, собранным вместе страха ради иудейска в одном доме, двери которого были заперты. Господь с Своею прославленною плотию прошел в этот дом чрез затворенные двери и уверил их в Своем воскресении из мертвых.

2) Чтобы еще более объяснить обычай нашего обхождения жилищ ваших, как в Пасху с радостным благовестием Христова Воскресения, так и в некоторые другие церковные или храмовые праздники, **указуем вам заповедь Спасителя апостолам**. Какая же эта заповедь? *«В какой бы город или селение ни войны вы, наведывайтесь, кто в нем достоин, и там оставайтесь, пока не выйдете; а входя в дом, приветствуйте его, говоря: мир дому сему; и если дом будет достоин, то мир ваги придет на него; если же не будет достоин, то мир ваги к вам возвратится. А если кто не примет вас и не послушает слов ваших; то, выходя из дома или из города того, отрясите прах от ног ваших... Кто принимает вас, принимает Меня, а кто принимает Меня, принимает Пославшего Меня» (Мф. 10:11, 12, 13, 14, 40)*. Нужно ли вам, братия, объяснение, что и мы – слуги Христовы, строители Его таин, и, хотя недостойные, преемники апостольского служения, и что следовательно заповедь Спасителя в лице апостолов дана и нам? Нужно ли доказательство собственно для христиан, что, хотя они и уверовали во Христа, но нуждаются еще в духовном подкреплении чрез пастырей Церкви, как орудий благодати? Нужно ли утверждать, что это укрепление требует нашего содействия, не только в

другое время, но и во дни нарочитых праздников?

В Слове Божиим говорится: *«Итак каждый должен разуметь нас, как служителей Христовых и домостроителей таин Божиих» (1Кор. 4:1)*. Сами ли священники восхищают сан сей? Нет *«никто сам собою не приемлет этой чести, но призываемый Богом, как и Аарон» (Евр. 5:4)*.

Словом ли только человеческим и чрез видимое ли только простое рукоположение мы получили посвящение? Нет: а по избранию Божию силою молитв церковных посвящены Духом благодати, совершенной в немощах. Дух Святой снисшел прежде на апостолов, чрез св. апостолов поставил епископов, а потом чрез епископов преемственно поставляет и пресвитеров, или священников, пасти церковь Христову, то есть наставлять православных христиан в вере, благочестии и добрых делах.

Сами ли мы собою что учреждаем в Церкви нуждою или для гнусного прибытка? Сохрани Бог! Все священное установлено по чину, благообразно и благопотребно для вас и для всей Церкви, во славу Божию. Итак, видите, что обряд обхождения домов ваших полезен и утверждается на заповеди Спасителя. Он совершается в праздники: ибо когда удобнее исполним свою обязанность мы и когда благопотребнее вам принять нас, если не в праздники, во время совершенно свободное от житейских занятий и посвященное единому Господу, на дела святые и душеспасительные?

3) Притом же **во храме Божиим не все могут быть**: ибо есть в домах ваших больные, престарелые, младенцы; есть, которые и по другим, более или менее благовидным причинам отговариваются, что им нет времени молиться. **Но, без сомнения, всем нужна благодать праздника**, и эту-то благодать святые отцы богомудро учредили сообщать из св. храма в жилища христиан чрез служителей Церкви, которые вносят в дома, вместе с Крестом и святою водою, освящение и благословение, и как бы особенным образом сближают с праздником, поя в домах священные песни в чествование того или другого праздника.

III. Нельзя не сказать, что некоторые из граждан принимают священников не так усердно, как следовало бы; иные и совсем не принимают, как бы не терпя крестной силы или думая, что мы ходим к ним для корысти. Скажем для таковых нечто и в оправдание.

Спаситель наш Иисус Христос, посылая св. апостолов в мир на проповедь, запретил им иметь свою собственность, обладеживая благодарностию приемлющих слово их. *«Не берите с собою ни золота, ни серебра, ни меди в поясы свои, ни сумы на дорогу, ни двух одежд, ни обуви, ни посоха, ибо трудящийся достоин пропитанья» (Мф. 10:9–10)*. Святой

ап. Павел говорит: *»Если мы посеяли в вас духовное, велико ли то, если пожнем у вас телесное? Разве не знаете, что священнодействующие питаются от святилища? что служащие жертвеннику берут долю от жертвенника? Так и Господь повелел проповедующим Евангелие жить от благовествования«* (1Кор. 9:11, 13, 14). Мы приемлем ваш дар малый не за благодать, которую мы даром прияли и даром должны сообщать, а потому, что на то есть воля Божия и усердие ваше.

Помня, как важен и священен обряд обхождения домов ваших со Крестом и святою водою, дорожите, братия, сею святынею и с благоговением ее принимайте.

Беседа №7. Об акафисте

I. Испытывая на себе великие и бесчисленные благодеяния Господа и святых Его, Святая Церковь не могла быть неблагодарною к ним: она видела и чувствовала в себе, как в благодатном царстве, открытие славы своего Царя Создателя и Его преподобных слуг, и прославление достойных хвалы сделалось для нее необходимостью: выражение этих святых чувств и стало содержанием акафистов.

Но акафист не есть чисто хвалебная песнь. Церковь знала, что чада ее, живущие на земле, всегда, в каждую минуту, нуждаются в божественной помощи, – а потому с хвалебными песнями акафиста она соединила еще и моление об этой помощи. От того акафист является молитвенным славословием, или хвалебною молитвою.

II. Акафист – слово греческое – значит «несидение», неседальное чтение, т. е. чтение, во время которого нельзя сидеть (Синаксарь на субботу 5-й седмицы Св. Четырдесятницы). Такое название было, с одной стороны, следствием глубокого уважения, которое питали верующие к содержащемуся в нем чтению, – с другой – плодом сознания того, что воспевать хвалебную молитву Богу и святым Его непристойно в сидячем положении.

Наши богослужебные книги довольно обильны акафистами; мы имеем акафисты: Пресвятой Богородице, Иисусу Сладчайшему, Покрову Пресвятой Богородицы, Ее всечестному Успению, святителю Николаю, Варваре великомученице, преподобному Сергию и другим угодникам Божиим. Самые древнейшие и наиболее употребительные из них, это акафисты Иисусу Христу и Божией Матери.

«В акафисте Невесте невестной и Иисусу Сладчайшему все благоухает помазанием от Святого Духа и все удобопримимо к каждому» («Душеполезное чтение», 1869 г., ноябрь, стр. 68). Акафисты Покрову пр. Богородицы и Ее Успению принадлежат также к лучшим сокровищам церковных молитвословий.

В акафистах, посвященных в честь св. Божиих, восхваляется их праведная жизнь, подвиги, заслуги и достоинства, в которых нам указываются прекрасные образцы для подражания.

Во всех акафистах можно заметить одну общую им черту, это: «голос души, страждущей на земле и ищущей утешения и помощи в высшей небесной силе».

III. Итак, драгоценные и щедрые дары предлагает нам Святая Церковь;

великими заботами она окружает нас; с любвеобильным сердцем матери старается она воспитать нас. Благодарны ли мы ей за все ее попечения о нас? Пользуемся ли мы тем, что она освящает? И назидаемся ли тем, чем она желает вразумить нас? На эти вопросы пусть ответит совесть каждого из нас!.. (Извлечено из «Воскресного чтения» за 1870–71 г., кн. 2, стр. 624–630).

Приложение к беседе № 7.

А. Акафист Божией Матери

По церковному преданию, хвалебная песнь в честь Божией Матери была в первый раз воспета апостолами, собравшимися на погребение Ея В службе успению Пресвятой Богородицы поется: «От конец стекошася апостолов лучшие, богоначальным мановением, погребсти Тя Богомати: – и от земли вземлему Тя в высоте зряще, глас Гавриилов радостно вопияху Тебе: радуйся, Носило Божества всего! радуйся, Едина, земняя с вышним рождеством Твоим совокупльшая... Радуйся, благодатная Дево, Мати безневестная, Господь с Тобою»!

В основании песни апостолов лежит, как очевидно, глас Гавриилов: «Радуйся, Благодатная».

В песнях VII-го века, как и предыдущего, особенно была восхваляема и ублажаема Матерь Божия как Царица небесная и Ходатаица за род наш.

Краткая, но торжественная песнь св. архангела сделалась основною песнию и в прекрасных протяженно-сложенных песнях св. Ефрема Сирина (IV в.), которые он писал и пел в похвалу Пресвятой Владычицы мира. Это послужило образцом для составления акафиста. Слово «радуйся» стоит на первом месте во всех почти акафистах (его нет в акафисте Иисусу Сладчайшему) и составляет в них господствующий тон. Многие песни св. Ефрема Сирина Пресвятой Богородице вошли в состав Ее акафиста.

Акафист Богоматери, в его настоящем виде, явился в начале VII века. Он, как полагают, составлен диаконом великой Константинопольской Церкви – Георгием Писидийским, жившим в царствование греческого императора Ираклия (610–641 г.), в благодарность Заступнице небесной за избавление Царьграда от нападения персов и аваров, – с суши и с моря, в 626 г.

Седьмой век был тяжелым временем греческого государства. Истощенное в силах в царствование мучителя Фоки, оно подвергалось нападениям персов, царь которых – Хозрой 2-й имел главным своим намерением – истребление Церкви Христовой; вместе с персами восстали на Грецию и скифы; потом ее пределы стали опустошать своими набегами сарацины – сильный и воинственный народ. В эти-то скорбные, тяжелые времена и подана Церковию верующим утешительная, хвалебная песнь Невесте невестной, песнь, которая с особенною торжественностию читается в субботу на 5-й неделе Св. Вел. Четырдесятницы. Благочестивый обычай совершать это благодарственное и вместе хвалебное пение в субботу 5-й седмицы Великого поста утвердило

навсегда в нашей Церкви чудесное покровительство Богоматери, явленное граду св. Константина во время двух страшных нашествий сарацин (в 674 и 716 г.). Воспоминание этого события слышим мы в помянутый сейчас день в особой молитве, читаемой при конце акафиста.

«В акафисте Божией Матери воспето вочеловечение Бога Слова и величие Божией Матери, которую за рождение Ею вочеловечившегося Бога ублажают *вси роди* (Лук. 1:48). Как бы на обширной картине, бесчисленными дивными чертами изображено в акафисте великое таинство вочеловечения Бога Слова. Удачным освещением оживляется всякая картина и необыкновенным светом благодати озарен акафист Божией Матери. Свет этот действует сугубо: им просвещается ум, от него сердце исполняется радости в извещения. Непостижимое (таинство воплощения Бога Слова) приемлется как бы вполне постигнутое, по чудному действию производимому на ум и сердце» (Игнатий (Брянчанинов), еп. Кавказский. «Аскетические опыты», т. 2, стр. 186). Кто с глубоким вниманием и благоговейно слушал или сам читал акафист Богоматери, – тот не мог не ощущать в себе этого благодатного его действия.

Первый кондак акафиста Богородице ознаменован воспоминанием чуда – потопления скифских кораблей, осаждавших град Богоматери – Константинополь, – чуда, совершившегося по молитве патриарха Сергия, изнесшего из святилища Влахерыского хранившуюся там ризу Пресвятой Девы и погрузившего Ее в воды Босфора с молитвенными слезами о спасении града.

Последний кондак этого акафиста есть краткая, но глубоко трогательная ко всепетой Матери обращенная молитва умиленной души о спасении, о «изъятия ея от вечныя муки».

Б. Акафист Иисусу Сладчайшему

Поставляя первую и постоянную потребностью каждого боголюбца молитвенное воспоминание святейшего имени Иисусова и молитвенное общение сердца и всех сил душевных с Господом Иисусом Христом, св. отцы-подвижники назначают при этом в пособие и руководство известную, так называемую у них «молитву Иисусову»: *«Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешнаго»*. Предписываемая ими для постоянного и – так сказать – ежеминутного нашего употребления, эта священная молитва, очевидно, должна в сем случае служить общим, сокращенным изображением благочестивых стремлений души ко Христу Спасителю, и быть вместо опоры молитвеннику при его возношении ко Господу.

Но что касается частнейших мыслей и чувствований, какими может и должно обозначаться в душе это святое общение ее с Господом Иисусом, при полнейшем своем раскрытии во глубине ее, – то лучший для этого образец и совершеннейшее руководство представляет нам Святая Церковь в акафистовом пении Иисусу Сладчайшему ²².

Акафист Иисусу Сладчайшему вообще представляет в себе тот же главный характер чувства и настроения, какой выражается в молитве Иисусовой: характер глубокого покаянного чувства, основанного на вере во Иисуса Сына Божия как Спасителя грешных. Ясно и представляет это собою каждая из отдельных частей акафиста, состоящего из двенадцати кондаков, соединенных со своими икосами, с прибавлением кондака 13-го, заключительного: ибо здесь, независимо от частных особенностей того или другого из них, песненное обращение христианина к Сыну Божию почти всюду прямо склоняется на тон умиленного прошения об оживлении души умерщвленной (кондак 2-й) и тела острупленного грехами (икос 11), о прикрытии духовной наготы нашей (кондак 3-й), о взыскании нас, погибших (икос 7-й), помиловании на суде (5-й), избавлении от муки вечной (4-й), и т. п. Ясно это выражается и в заключении начальной песни: *«Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя»*, – повторяемом и на конце каждого из икосов, в качестве общей главной мысли. Но этого мало: рассматривая в совокупности все черты, коими здесь обозначается это покаянное направление благочестивой души, мы найдем тут очень полное и выразительное представление мыслей, чувствований и желаний христианина в том состоянии духовной жизни его, которое обыкновенно у богословов называется *обращением* человека к

Богу, к жизни Божией – от мертвой жизни греховной, чрез *покаяние и веру*, о имени Иисуса – Спасителя.

Если хотим видеть, как сердце, израненное греховными язвами, возмущенное волнами беспорядочных помыслов и пожеланий, истомленное суетою благ мирских и их изменчивостию, хочет наконец предаться Христу Спасителю, милосердо призывающему к Себе всех утруждающихся и обремененных Его всемогущею силою подкрепить свои ослабевшие силы и Его милостию получить спасение, то едва ли где найдем выражение всего этого в такой степени сильное и полное, в какой подставляют нам его эти умиленные воззвания души к Сыну Божию, заключающиеся в акафисте. Обращаясь тут ко Господу Иисусу как Искупителю грешных, она видит в Нем и исповедует единую надежду безнадежных, на лоно которой в смиренном уповании повергает свое недостойнство, прося себе оставления грехов и отъятия беззаконий и умоляя милосердного Спасителя, чтоб только не отринул сего прошения: «Иисусе, Владыко долготерпеливый (икос 2-й), Иисусе, Спасе премилостивый (икос 2-й), Иисусе, надеждо ненадежных, утешение плачущих, слава нищих, – не осуди меня по делам моим, очисти меня по милости Твоей, отжени от меня уныние (икос 9-й), отыми беззакония моя, отпусти неправды моя; Иисусе, надеждо моя, не оставь меня, Помощник мой, не отринь меня, Создатель мой, не забудь меня, Пастырь мой, не погуби меня (икос 2-й), Иисусе Сыне Бога живаго, помилуй мя грешнаго, услыши мя, в беззакониях зачатаго, очисти мя, во гресех рожденнаго, научи мя непотребнаго, освяти мя темнаго, возведи мене блуднаго; Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя (икос 3-й)!» Нельзя не замечать, как живо и разительно тут очерчены чувство греховной наготы нашей, бедности, нашего греховного уничтожения, и сознание потребности выйти скорее из этого гибельного положения.

Но благодатное обращение ко Христу Спасителю этим не ограничивается: оно предполагает совершенное изменение мыслей, чувствований и действий человека в жизнь о Христе. Нужно, чтобы здесь же, при самом этом покаянном обращении своем ко Господу, человек положил начало духовному своему возрастанию в жизни Божией, и для этого первее всего обнаружил в себе крепкое стремление – паче и паче приближаться любовью ко Иисусу Христу как началосовершителю нашего спасения, соделать более и более действенным для себя духовное свое прикосновение к силе Его и прилепиться к Нему *«всем сердцем своим, и всею душою своею, и всем размением своим, и всею крепостию своею, – вот первая заповедь!»* (Мк. 12:30). И опять лучшим выражением сего

послужит для нас это пламенное единоебеседование души со Христом Спасителем, излагаемое в акафисте. Все его хвалебные воззвания, в коих благочестивая душа изливается здесь пред Господом и Спасителем своим, действительно, в точности соответствуют имени *Иисуса Сладчайшего*, обозначающему чинопоследование этой службы в ряду других чинопоследований церковных. Тут видим, как христианин всем существом своим погружается в беспредельную глубину любви Иисусовой, упоевается потоком сладости ее, и при всем том не находит как бы слов, чтобы вполне выразить свою ненасытную и вместе блаженную жажду общения с высочайшим предметом своих стремлений. «Иисусе, сила непобедимая, милость бесконечная, красота пресветлая, любовь неизреченная (икос 3-й); Иисусе, вышних Создатель, нижних Искупитель, преисподних Потребитель, всея твари Украситель, души моей Утешитель, Просветитель ума моего, веселие сердца, тела здравие (икос 4-й); Хранитель мой во младости, – Кормитель в юности, похвала в старости, надежда в смерти, утешение на суде (икос 5-й)». И опять: «Иисусе, сладость сердечная, крепость телесная, светлость душевная, быстрота ума, радость совести, похвала высокая; Иисусе, слава моя превознесенная (икос 8-й), Слово необнимаемое, несогляданное, сила непостижимая, мудрость недомыслимая, царство непобедимое, владычество бесконечное, крепосте высочайшая, власть вечная (икос 7-й); Царь мой прекрепкий, Бог мой пресильный, Создатель мой преславный, Наставник мой предобрый, Спас мой премилосердый (икос 11-й); вдов заступление, сирых защитник, помощь труждающихся, страных путеводитель, кормчий плавающих, тишина обуреваемых; пища крепкая, питье неисчерпаемое, сокровище нетленное, богатство неистощимое (икос 10-й)». «Ангелов Творче и Господи сил, отверзи ми недоуменный ум и язык на похвалу пречистаго Твоего имене, якоже глухому и гугнивому древле слух и язык отверзл еси (икос 1-й)».

И повсюду в чинопоследовании эти восторженно умиленные чувствования и восклицания являются произведением твердой и сознательной веры в Господа Иисуса Христа как единого Спасителя рода человеческого, происходят из живой и отчетливой догматической мысли о Нем, как единородном Сыне Божиим, благоволившем совершить наше спасение Своим пришествием на землю.

С самого начала верующая душа обращается тут к Нему как Господу – Победителю ада с похвальной песнью за избавление ее от вечной смерти, и с молением к неизреченному Его милосердию о сохранении ее от всяких бед; началом своего моления полагает то, что просит помилования у Него,

как Сына Божия: «Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя». Не высказывается ли здесь, как основная мысль акафиста, сообщающая весь тон ему и направление, – та внушаемая учением святой веры нашей мысль, что един есть Начальник и Совершитель нашего спасения – Иисус Христос, воплощенный Сын Божий; что спасение, Им даруемое, состоит главным образом в избавлении пашем от греха и соединенной с ним смерти вечной, и что, наконец, с нашей стороны требуется прежде всего обращаться в смирении к этому неизреченному милосердию Сына Божия с прошением помилования, после чего можем уже надеяться быть свободными и от всяких бед житейских? То же самое ясно представляется и во всехвальнейших песнях. По образцу других церковных акафистов, в коих, в сходство с первым из них по времени, акафистом Препоблагословенной Деве Марии Сергия патриарха, хвалебная песнь обыкновенно присоединяется к различным историческим воспоминаниям о том лице, в честь которого воспевается, – и в рассматриваемом нами чинопоследовании повсюду ей предпосылаются указания на те или другие обстоятельства из евангельской истории о Христе Спасителе. Но, заметим, все эти указания не суть только простые заимствования из евангельских книг, но отражают в себе твердый и сознательный взгляд веры во Иисуса Христа, воспитанной словом Евангелия, и прилагаются всюду к духовным нашим состояниям и потребностям, кои во всех случаях составляли и составляют главный предмет любвеобильных попечений Сына Божия о нас. Возьмем для примера 2-й кондак акафиста: «Видя вдовицу зельне плачущую, Господи, якоже тогда умилосердився сына ея на погребение несомая воскресил еси, сице и о мые умилосердися, человеколюбче, и грехами умерщвленную мою душу воскреси, зовущую: аллилуия!» Или – начало 4-го икоса: «Слыша слепый мимоходяща Тя, Господи, путем вопияше: Иисусе, сыне Давидов, помилуй мя, – и призвав отверзл еси очи его; просвети убо милостию Твоею очи мысленныя сердца и мене (и у меня), вопиюща Ти и глаголюща: Иисусе, вышних создателю», и проч. В особенности же нужно заметить, что в ряду сих исторических воспоминаний, полагаемых здесь в основание песни, не столько вводятся частные указания на обстоятельства земной жизни Спасителя, сколько общие догматические изложения главнейших дел домостроительства Иисуса Христова, составляющих для нас первейший предмет спасительной веры в Искупителя, и преимущественно Его чудесного воплощения, страданий, смерти и воскресения. Это видим, например, в 6-м кондаке: «Проповедник богоносных вещание и глаголы исполняя, Иисусе, на земли явлься, и с человеки, неместимый, пожил еси, и болезни наша подъял еси,

– отнюдуже ранами Твоими мы исцелевше пети навькохом: аллилуия;» – в 7-м: «Хотя сокровенную тайну от века открыти, яко овча на заколения веден был еси, Иисусе, и яко агнец прямо стригущаго его безгласен, и яко Бог из мертвых воскресл еси и со славою на небеса вознеслся еси, и нас совоздвиг еси...»; – в начале 8-го икоса: «Весь бе в нижних, и вышних никакоже отступи неописанное Слово, егда волею нас ради пострада, и смертью Своею нашу смерть умертви, и воскресением живот дарова, поющим: Иисусе, сладосте сердечная» и т. д. И все это запечатлено характером выпренного духовного созерцания, какое свойственно чистой и святой вере, проникающей собою всю душу христианина. Устремляясь к созерцанию «дивной» (икос 7-й) тайны воплощения Творца от Девы со всеми прочими совершенными вместе с сим чудесами нашего искупления, благочестивая мысль, подобно как и в акафисте в честь Пресвятой Девы, воспевающем Ее преестественное служение воплощению Слова, возносится над мирскою суетою и всем миром, и всецело возводится к небесному – божественному, признавая сие целию самого снисхождения к нам Сына Божия. «Странно (чудным образом, необыкновенно) Бога вочеловечшася видяще, устранимся суетнаго мира и ум на божественная возложим: сего бо ради Бог на землю сниде, да нас на небеса возведет, вопиющих Ему: аллилуия» (кондак 8-й; см. также акафист Пресвятой Богородице – икос 7-й и кондак 8-й; см. «Воскресное чтение» за 1856 г., № 27).

Беседа № 8. О чине водоосвящения (малого)

I. При крещении Господнем совершилось освящение воды в первый раз после того, как со всею тварию подверглась и она суете за грех человека. Однако же и после торжественного освящения вод крещением Сына Божия они вновь и неоднократно освящаются, потому что падшие, хотя и обмываемые благодатию Божию, люди всегда до смерти носят в себе семя древней нечистоты греховной, вследствие чего всегда могут грешить, а тем самым снова вносить нечистоту и тление в окружающую природу. Поэтому совершаемое Православною Христовою Церковию освящение воды есть как бы продолжение, или распространение, освятительных действий, бывших при крещении Спасителя во Иордане, – есть возвращение водной стихии первобытной чистоты и святости, низведение на нее силою молитвы, благословения Господня и благодати Пресвятого и Животворящего Духа Божия, дарование ей силы к освящению душ и телес всех пользующихся ею. Если ради Божественного Искупителя Дух Святой нисходит на воду и соделывает ее способною очищать прирожденную душе скверну греховную, возрождает *мертвого прегрешениями* (Еф. 2:5) человека в жизнь новую, святую (Ин. 3:5), то ради того же Искупителя этот Божественный Дух при молитвах Святой Церкви всегда может низойти на воду, дабы сообщить ей благодатную силу, благопотребную для возрожденных чад Церкви. Вот где кроется и причина того, почему в воде, освященной Церковию Христовою, являются дивные свойства, коих мы не видим в водах обыкновенных: она не растлевется, подобно обыкновенной воде, хотя бы хранилась весьма долгое время: она в Таинстве Святого Крещения омывает греховные нечистоты человека, обновляет и возрождает его в новую жизнь во Христе; она, приемлемая с верою, служит к укреплению немощей человеческих, к погашению страстей, к отгнанию злых духов, всего нечистого, тлетворного и ко всякой душевной и телесной пользе верующих.

II. Дабы имеющую обширное употребление в жизни человеческой водную стихию соделать водою благословения небесного, Святая Церковь Христова совершает над нею один из величайших, глубоко трогательных и умирительных обрядов своих – так называемое *последование малого освящения воды*. Малое водоосвящение (именуемое так в отличие от *великого*, совершаемого в праздник Крещения Господня и накануне этого дня) не усвоено исключительно никакому дню, но может быть совершаемо во всякое время – по принятому обыкновению или по

благочестивому усердию и желанию верующих, и притом не в определенном каком-либо, а во всяком приличном месте – везде, где признается нужным: в храме, в домах, под открытым небом.

а) Восхваляя и умоляя в песнопениях Малого водоосвящения Пренепорочную и Пречистую Деву Марию, издревле именуемую Живоносным Источником и Радостью всех скорбящих, древние христиане имели, и мы теперь имеем, неизмеримое превосходство пред иудеями и язычниками, совершавшими в известное время свои суеверные, гнусные и богопротивные обряды ²³. Не деву земную и грешную, а Пречистую и Пренепорочную Приснодеву, не простую смертную, а Царицу небесную воспеваем и умоляем мы; не от пустых гаданий и примет, не ради волхвования мы ожидаем себе успеха и благословения в делах и предприятиях наших, а от предстательства и заступления Божией Матери, от умиленных молитв наших к Ней и от нашего сердечного покаяния. Ей – Пресвятой Богородице поручаем мы себя, свою жизнь, свое счастье и благоденствие на земле, свое вечное спасение; от Нее ожидаем помощи и заступления во всех бедах и скорбях наших, ради Ее молитв просим у Господа Бога защиты и ограждения от всех врагов видимых и невидимых.

б) В апостольском чтении на водоосвящении указывается причина, почему именно ныне подается в несказанном изобилии освящение от Господа. Это потому, что Господь наш Иисус Христос, Источник и Податель освящения, благоволил так близко и тесно соединиться с нами, как близко и тесно соединены друг с другом братья родные, происшедшие от одного отца; Он и не стыдится именовать нас Своими братьями. А братом нашим Христос Спаситель стал именно для того, чтобы помочь нам, чтобы избавить нас от власти дьявола, от рабского служения ему, чтобы сокрушить державу смерти, сделаться милостивым и верным первосвященником за нас пред Богом Отцом Своим, даровать нам все средства к нашему освящению и избавлению от грехов наших. Господь наш Иисус Христос Сам ведает все немощи естества нашего, Сам все испытал и претерпел и потому готов всегда и во всех наших искушениях помогать нам (Евр. 2:11–18).

в) Положенное на водоосвящении евангельское чтение показывает нам, что и в Ветхом Завете Отец небесный являл Свою всемогущую чудодейственную силу в исцелении недугов всякого рода посредством воды, возмущаемой в купели Силоамской ангелом, хотя эта сила проявлялась в одном только месте, только однажды в год, и притом для одного только того, кто первый успевал воспользоваться минутами освящения (Им. 5:2–5).

г) Очевидно, нам остается только вознести и ныне паши молитвы ко Всевышнему об освящении нашей воды – и мы можем уповать, что Он, Премилосердый, ниспошлет нам в ней освящение, исцеление, благодатную Свою помощь и благословение. И вот, по прочтении Евангелия мы молим всеусердно Господа Бога, чтобы Он освятил наши воды силою, действием и наитием Святого Духа ниспослал на воду благословение Иорданово, соделал ее целительной для души и телес, отгоняющей всякой сопротивной силы, – чтобы даровал нам помощь и заступление, просвещение разума, явил нас сынами и наследниками Царствия Своего чрез вкушение и окропление освященной водой.

д) В следующей затем умиленной молитве Святая Церковь поминает всех нас пред Милосердным Господом, начиная с Благочестивейшего Государя нашего до находящихся в плену у врагов и в скорбях, до последнего раба трудящегося где-либо вне храма или дома, и всем испрашивает благопотребных благ – исцеления недугов душевных и телесных, дарования спасения живым и усопшим ради Препоблагословенной Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, предстательством небесных сил бесплотных, апостолов, святителей, бессребреников и чудотворцев, всего богосветлого и боголепного сонма небожителей, – при чем вода троекратно благословляется рукою священнодействующего.

е) Далее совершается самое действие водоосвящения. Животворящий Крест Господень троекратно (в честь и славу Пресвятой Троицы вседействующей и всеосвящающей и в несомненное уверение в освящении воды) **погружается в воду** – Сам Господь наш Иисус Христос, единый Врач и Целитель всех наших недугов душевных и телесных, единый Святой и Освящающий, возмущает воду и освящает ее. И если после ветхозаветного возмущения воды ангелом купальня делалась цельбоносною для недужных и исцеляла всякого рода болезни, то не тем ли более у нас чаша с водою, освященною чрез троекратное погружение Креста Господня, может быть источником исцелений от всех недугов, подательницею освящения и благословения для нас, для жилищ наших и для всего, что есть у нас? В Ветхом Завете потребно было, чтобы один из болящих прежде всех других вошел в купальню, опустил в воду, по возмущении се: *ныне же наста время всех освящающее*: в Новом Завете первый и последний, всякий – все могут врачеваться от недугов своих душевных и телесных, лишь бы только имели живую веру в Спасителя и Бога нашего и любовь к Нему. Христианину не требуется сходить в купальню, опускаться в воду: нужно только, чтобы его окропил освященною водою служитель алтаря Господня, – и благодать освящения,

исцеления коснется, освятит, исцелит его. Верующие, окропленные св. водою, ободряются духом, освежаются подобно тому, как жаждущая земля освежается после орошения каплями дождевыми, обновляются в духовной жизни и с новыми силами, с новой бодростью приступают к обычным своим занятиям; вместе с тем освящаются и вновь благословляются самые дома и жилища человеческие – и водворяется в них благодать Духа Святого. (См. «Проповеди», приложение к журналу «Руководство для сельских пастырей», 1893 г., июль).

III. Должно, к прискорбию, сознаться, что некоторые из христиан мало понимают святость и силу освященной воды, не умеют обходиться с ней, как с великою святыней. Так, многие, не дожидаясь окончания водоосвящения, с шумом бросаются черпать св. воду без всякого благоговения и страха Божия, толкая друг друга, разбивая друг у друга сосуды в беспорядочной толпе и проливая св. воду напрасно... Устрашимся, братие, гнева Божия за такое поругание святыни; не будем сквернить того, что освятил Сам Господь Бог. После водосвятия, когда будем почерпать освященную воду, будем памятовать, что это – святыня, которую нужно принимать с полным благоговением и страхом Божиим, не борясь и не толкаясь в шумном беспорядке, – что благодать Духа Святого невидимо подается только верно и благоговейно черплющим св. воду. В противном случае, благодать Божия, которая призывается на воду молитвами Святой Церкви, отступит от наших сердец, и самая вода святая, добытая нами с насилием, шумом и обидою ближнего, как и всякая святыня при таких условиях, обратится для нас, вместо здоровья души и тела, только в осуждение от Бога и добрых людей! Аминь.

Беседа № 9. О последовании молебном о немощных, обуреваемых от духов нечистых и стужаемых

I. Ныне побеседуем об одном молебствии, которое установила милосердая наша Мать – Святая Церковь, дабы облегчить и уврачевать тяжкие страдания своих несчастных детей, подпавших влиянию бесплотных врагов нашего спасения.

II. После благословения священника молебен о немощных, обуреваемых от духов нечистых, по трисвятом, начинается чтением псалмов: «Господи, услыши молитву мою... Господь пасет мя... Господь просвещение мое и Спаситель мой... Да воскреснет Бог и расточатся врази Его» и – псалма покаянного.

Следует затем канон молебный ко Спасителю, Пресвятой Богородице, бесплотным ангелам и всем святым. В этом каноне все они умоляются о избавлении обуреваемого напастями вражьиими от всякого обстояния и озлобления, насилия и мучительства лукавого диавола и о прогнании от больного (всего лестного) сатанинского мечтания,

привидения и страхования, и всей мучительской сатанинской силы, обдержажей его. Весь канон составлен из теплых молитв к Господу Иисусу и всем святым Его о избавлении и освобождении болящего от насилия диавола и вселукавого его коварства.

В заключение молебного пения, больного помазуют елеем от кандила и читают о нем молитвы.

В первой молитве содержится общее прошение о выздоровлении больного, но со второй начинаются заклинания св. Василия Великого и св. Иоанна Златоуста. Заклинаниями эти молитвы называют сами молитвенники: «Даждь заклинанию сему, о страшном имени Твоем совершаемому, страху быти предводителю лукавствия и всем полком его, с ним ниспадшими от горняго светоношения, и обрати его в бегство, и запрети ему и демоном его отступить конечно, да ничто же вредно сопротивознаемому образу соделает» (молитва 2-я). Третья молитва начинается таки ми словами: «Заклинаю тя, злоначальника хульнаго, начальника сопротивнаго восстания и самодетеля лукавства... Заклинаю тя, душе нечистый, Богом Саваофом и всех ангелов Божиих, Адонаи, Елои, Бога Вседержителя, изыди и разлучися от раба Божия (имя рек)». Следует и еще много заклинаний с призыванием имени Иисуса Христа и указанием из ветхозаветной и новозаветной истории примеров изгнания Господом нечистых духов от людей. «Убойся, – продолжает святой Василий, – бежи,

разлучися, демоне нечистый и скверный (даже исчисляются многие мерзкие качества веельзевула, обозначаются его вредные и злобные деяния против людей и исчисляются все случаи, при которых демон нападает на людей), отлучися и применися, устыдися образа рукою Божиею созданного и воображенного. Убойся воплощенного Бога подобия и не сокрыйся в рабе Божиим... Убойся – умолкни, бежи, не возвратися». Это заклинание очень сильно и страшно для духа злобы, оно все основано на неопровержимых исторических фактах и имеет неотразимую силу при благодатной помощи заклинателя.

Молитвы св. Иоанна Златоустого проникнуты, как и Василиевы, силою заклинаний. В первой молитве к Богу вечному испрашивается избавление раба Божия от всякого действия духов нечистых и повеление лукавым и нечистым духам и демонам отступить от души и тела раба Божия и бежать.

Во второй призывает святитель Вседержителя послать больному ангела крепка, души и тела хранителя, который запретит и отженет от него всякого лукавого и нечистого демона; наконец, в последней молитве Златоуста, которою и заканчивается последование, содержатся *запрещения* на диавола. Каждое из запрещений начинается словами: запрещает тебе Господь... диаволе. Всех запрещений восемнадцать. В последнем из них говорится к диаволу: «Устрашися, вострепещи, убойся, разлучися, потребися, бежи, падый с небесе и с тобою вси лукавии дуси». Исчислив всяких духов лукавых, ночных, дневных, полуденных, вечерних и полуночных, запрещение повелевает им отлучиться от раба Божия, от ума, от сердца, от души, от утроб, от чувств и от всех удов его.

Замечательно это последование тем, что помещено во всех требниках Православной Церкви. Содержание же здесь изложено по требнику, напечатанному в 1873 году в типографии Киево-Печерской Лавры. (См. «Руководство для сельских пастырей», 1881 г., № 48.).

III. Братие-христиане! Человек по падении своем находится во враждебном положении по отношению к сатане и подвергается напастям духа злобы, – он делается даже рабом диавола, когда отступает от веры в Бога помощника и Спасителя его. Только Божественная сила может спасти его от духов злобы, почему и необходимо всем нам молиться Богу об избавлении от дьявольского наваждения.

Приложение к беседе № 9. О так называемой экзордии (или о молитвах на изгнание бесов)

Один подписчик подольской епархии обратился в редакцию «Подольских епархиальных ведомостей» с письмом, в котором просит разъяснить на страницах местного епархиального органа «странное явление, наблюдаемое среди духовенства Подольской епархии». Это странное явление состоит в том, что «многие священники по старинным требникам читают экзордии, т. е. молитвы на изгнание бесов». «Обыкновенно, – говорит автор письма, – совершается в таких случаях Литургия; на проскомидии читаются положенные в старинных требниках молитвы о выздоровлении бесноватого. По причащении больного, полагается на голову его антиминос и читается экзордиум. Спрашивается, – продолжает далее интересующийся подмеченным явлением, – законно ли поступают священники, читая экзордии, и притом не только старые вдовцы, но и молодые? Действительно ли экзордисты одарены благодатною силою изгонять бесов и не следует ли (сострил пишуций) довести до всеобщего сведения о месте жительства экзордистов, чтобы большее число людей получало исцеление; наконец, интересно знать, откуда можно выписать Требник, в котором находится Чинопоследование на изгнание бесов?» На эти вопросы в «Подольских епархиальных ведомостях» дается следующее обстоятельное разъяснение.

Из приведенных вопросов видно, прежде всего, что автор их как будто сомневается, может ли священник изгонять бесов, читая для этого особые заклинательные молитвы. Подобное сомнение совершенно не к лицу христианину. Еще народы дохристианского мира, и особенно народы Востока, всегда признавали существование злых духов за факт несомненный. Вместе с этой верой, из глубины также дохристианской древности, существовала вера и в то, что злые духи, как существа более сильные, чем человек, могут завладеть последним, могут вселяться в него и причинять ему различные страдания. При этом, однако, те же дохристианские народы признавали за несомненное и то, что человек, которым завладели бесы, может избавиться от их мучений посредством заклинаний с призыванием имени Бога. Верование во все это, повторяем, было всеобщим на Востоке, и потому еще прежде появления христианства у многих народов восточных стран мы встречаем существование заклинаний и заклинателей, т. е. лиц, изгонявших злых духов. В подтверждение этого можно сослаться на свидетельство Иосифа Флавия,

который говорит, что в Иудее было много заклинателей, изгонявших демонов посредством известного рода действий. С пришествием Иисуса Христа вера в возможность одержания человека от злого духа и в возможность избавления от этого получила для себя еще большее подкрепление. Иисус Христос Сам неоднократно исцелял бесноватых и вместе с этим, как апостолам, так и всем верующим в Него, дал власть прогонять бесов из одержимых ими людей. Изрекая обетования верующим Он между прочим сказал: «Именем Моим будут изгонять бесов» (Мф. 16:17). И апостолы, действительно, пользовались дарованною им властью и не только сами изгоняли злых духов, но даже и вещи их исцеляли бесноватых (Деян. 19:12). С прекращением же деятельности этих свидетелей земной жизни Спасителя, власть их над нечистыми духами перешла к их непосредственным преемникам, пастырям Церкви, которые пользовались и пользуются ею в необходимых случаях, употребляя при этом заклинания. Впрочем, на первых порах, как видно из многочисленных свидетельств древности, заклинания совершали преимущественно те верующие, которые получали для того особый дар от Бога. Но в III веке явились уже особые лица, на обязанности которых лежало заклинать бесов, отчего они и получили название заклинателей (exorcista). Эти лица получали посвящение для прохождения своей должности (Лаодикийского собора правило 26) и составляли одну из степеней клира Древней Церкви.

Эта степень, как переходная, впрочем, удержалась в Западной Церкви и до настоящего времени (см. Pontific Roman. De ordinatione exorcista), в Восточной же Церкви обязанности экзорцистов возложены на священников.

В чем же состояли и состоят заклинания? В древности определенного чина заклинания бесов мы не встречаем: заклинали вообще именем Божиим, именем Господа Иисуса Христа, при чем на бесноватых возлагали руки. Но с течением времени составлен был особый чин заклинаний как в Западной, так и в Восточной Церкви, от которой заимствовала этот чин и Церковь Русская. В последней мы находим собственно два чина заклинаний: один северорусский, представляющий буквальный перевод греческого чина, другой южнорусский, созданный под влиянием чина католических ритуалов и получивший название чина «экзордии», хотя в требниках южнорусских и униатских он носит следующее название: «Последование молебное о избавлении недугующего от обуревания и насилия духов нечистых и молитвы заклинательные тех же лукавых духов» (см «Требник» Львов, 1768 г. стр. 373; «Требник»,

Почаев, 1771 г, стр. 375). В Требниках же Православной Церкви, одобренных св. Синодом для всеобщего употребления, он надписывается так: «Последование молебное о немощных, обуреваемых от духов нечистых, и стужаемых» («Большой Требник», Москва, 1862 г., стр. 173).

Итак, из сказанного следует, во 1-х, что власть изгонять бесов принадлежит каждому священнику (независимо от того, вдов ли он или имеет жену, стар или молод); что, во 2-х, для изгнания бесов в Православной Церкви имеется особый чин, помещаемый обычно в так называемом «Большом Требнике», который можно получить из Синодальных книжных лавок, и что, в 3-х, наконец, в чтении священником особых молитв на изгнание бесов совершенно нет ничего странного или незаконного.

Но если само по себе совершение чина на изгнание злых духов не представляет ничего странного и незаконного, то совершение его по старинным униатским требникам и с теми обрядами, о каких говорит автор письма, есть явление незаконное. В самом деле, на каком основании священник читает заклинательные молитвы по старинным, хотя бы даже и не униатским требникам, если они церковною властью не одобрены к употреблению, если у нас есть «Требник» одобренный, в котором излагается и одобренный чин на изгнание духов нечистых? Позволять себе произвол в выборе книг для совершения треб есть деяние недозволенное. Оно, очевидно, вызвано тем обстоятельством, что весьма многие священники не имеют ни малейшего представления о «Большом Требнике» и не знают, что в нем имеется чин на изгнание злых духов. Между тем за совершением требы обращаются, и вот, не желая отказать и не зная, где найти требуемый чин, обращаются к старинным, подчас и униатским, «Требникам» и по ним совершают «экзордию», хотя делать этого и не следует.

Если не следует совершать чина на изгнание духов нечистых по старинным «Требникам», то тем менее можно допустить возложение антимины на голову бесноватого. Это прямо таки преступление, и можно только удивляться, как это священники позволяют себе делает подобные вещи. По всей вероятности, они в данном случае имеют в виду следующее место из предисловия, помещаемого в начале чина «экзордии» по южнорусским требникам: «Да имать в руках, или пред очима, распятие Христово, мощи святых, аще быти могут, честно, и добре связани в честном покривале на персях завешени, или на главе беснаго да будут»... («Требник», Львов, 1768 г., стр. 376). Вот это-то выражение: «Мощи... на главе беснаго да будут» и подало повод священникам употреблять

антиминс, так как других мощей, кроме вшитых в него, при церквях редко где можно найти. Но хотя происхождение рассматриваемого обычая и можно объяснить, однако достоинство его остается одно и то же, т. е. его все-таки нельзя допускать.

Беседа № 10. О чине, бываемом при основании церкви и водружении креста

I. Всякий благочестивый христианин принимаясь за устройство своего жилища, считает для себя святою обязанностью совершить так называемую закладку его – молитвою, окроплением святою водою освятить самое место здания, в том неложном уповании, что только всесильное благословение Божие полагает и твердые устои, сообщает прочность делу рук человеческих, что, наоборот, «если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его» (Пс. 126:1), то не тем ли паче молитвенного освящения требует устройство на земле храма Божия нашими грешными руками человеческими? И подлинно, святой храм – не простое какое-либо здание, а есть место, где силою благодати Божией освящается вся наша жизнь, подаются нам все потребные силы, яже к животу и благочестию, – есть самое лучшее на всей земле место успокоения нашего душевного, – есть высшее училище благочестия, – есть предызображение Царства Небесного, к которому стремимся мы, в котором все наше упование, вся наша надежда, – есть земное небо, земное жилище Царя небесного... Но если, братие, досточтимо, священно для нас жилище царя нашего земного, то во сколько крат более досточтим и священен должен быть для нас дом Царя небесного, в котором Он, Всеблагий, благоволит пребывать ради нашего спасения, ради нашего освящения?! Понятно теперь, почему в Православной Церкви Христовой самое начало построения храма Божия издревле сопровождается особым торжественным священнодействием. У тех из нас, кои с благоговением будут присутствовать при совершении величественного и умильного священнодействия на месте созидаемого храма Божия, – у тех, уповаем, надолго останутся в памяти святыя чувства, возбуждаемые в это время в душе всякого верующего чинопоследованием церковным.

II. В чем же будет состоять это чинопоследование?

Чин, бываемый при основании церкви и водружении креста, состоит в каждении окрест оснований дома Господня, – в освящении воды, которою молитвенно окропляются и освящаются все стороны основания храма Божия, – в освящении елея, который изливается потом на полагаемый в основание храма камень, – в водружении креста на том месте, где имеет быть св. престол, – и в положении в уготованном месте самого камня (с возлиянием на него елея), как основания храма.

Крестовидное каждение вокруг основания храма (всех рвов, мест,

веществ, назначенных для строения святого дома Господня) знаменует, что Дух Святой нисходит на то место, где имеет быть приносима Бескровная Жертва, Бог благодатию Своею осеняет строителей, укрепляет их силы, дабы они могли совершить предстоящее им святое дело.

Крест Христов на месте имеющего быть св. престола водружается в знак того, что Церковь Христова сама основана на кресте Господа нашего Иисуса Христа, на силе крестных заслуг Его, – что для вещественных зданий нет другого столь твердого основания, как знамение Распятого на кресте Основателя Церкви, – и что на святом престоле имеет быть приносима та же жертва, что и на голгофском кресте.

Камень, с изображенным или иссеченным на нем крестом, полагается в основание храма во свидетельство того, что твердый, незыблемый краеугольный камень Церкви Христовой есть Сам Господь Иисус Христос (Еф. 2:20), и в воспоминание, подражание великому ветхозаветному патриарху Иакову, возлившему некогда в жертву Богу елей на камень, служивший ему изголовьем во время сна (по пути в Харран), на месте явления ему Господа. Тогда праотец Иаков, пробудившись от сна, исполненный ужаса от видения величия и славы Божией, воскликнул: *«Истинно Господь присутствует на месте сем; а я не знал!.. Это не иное что, как дам Божий, это врата небесные»*; а потом, взяв камень и возлив на верх его елей, поставил его памятником и дал обет устроить тут жертвенник Богу, услышавшему его во дни скорби, говоря: *«Этот камень, который я поставил памятником, будет (у меня) домом Божиим»* (Быт. 28:16–22; 35:5). То же самое, можно сказать, будет происходить и на месте будущего храма Божия. Служитель алтаря Господня, окропив камень священной водою с такими словами: *«Благословляется камень сей окроплением священныя воды сия в непоколебимое основание храма, созидаемаго во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь»*, положит его в приготовленное для того место, говоря: *«Основывается церковь сия в славу великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа (в честь и память...) во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь»*.

На положенный в основание храма камень служителем Божиим будет возлит елей, с молитвенным призыванием: *»Благословенно и знаменано буди место сие в дам молитвенный в честь и славу Бога, в Троице Святей славимаго, Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь«*. Как это последнее, так и другие священные действия чинопоследования при основании храма предваряются и сопровождаются назидательными, трогательными чтениями и песнопениями клира (особенно же молитвами предстоятеля церковного), преимущественно о том, чтобы Господь страшным

знаменем и силою креста Своего благословил, оградил место основания храма от ангела всегубительного и всех сил сопротивных, сохраняя и всех служащих на нем невредимыми от всякого зла, чтобы Он привел к совершению начатое дело, дабы в созданном доме Господнем до скончания века прославлялось святое имя Божие и беспрепятственно приносилась великая Бескровная Жертва Христова во спасение земнородных... (См. «Слова на разные случаи», Киев).

III. Таков, братия, полный глубокого знаменования чин, бываемый при освящении церкви.

Беседа № 11. Об освящении храма

I. Ныне, возлюбленные братья объясним вам важнейшие черты последования церковного при освящении храма.

II. Когда все потребное к освящению храма Господня приготовлено, пред Божественной литургией совершается водоосвящение, а затем освященная вода с Крестом, Евангелием и всею утварью вносится в алтарь, освящением коего и начинается чин, *бываемый на освящение храма*. Освящение храма состоит из освящения престола и освящения самого храма.

а) Скажем сначала об освящении престола. Священнослужители поверх священных одежд облакаются в обычные белые срачицы (с тою целию, чтобы при омовении престола сохранить священные одежды от нечистоты) и первее всего устрояют трапезу, или престол, как важнейший предмет в храме Божиим: полагают предварительно омытую и окропленную святою водою доску на поставленные в основание престола четыре столпа (сообразно четырем странам света), при пении хвалебных псалмов, в коих прославляется величие Царя небесного, для Которого престол устрояется. Доска утверждается на столпах престольных посредством камней, также окропленных святою водою, четырьмя гвоздями, в воспоминание четырех гвоздей, коими пригвожден был ко кресту Спаситель наш а самые места прикрепления гвоздей заливаются особенным благовонным составом, знаменующим те благовонные мази, коими намащено было пречистое тело Господа нашего при Его погребении.

Так как на устроенном святом престоле предлагаются нам в пищу Божественное Тело и Кровь Христовы, то, по утверждении св. трапезы, происходит омовение ее. Если и обыкновенный стол, на котором принимаем пищу, мы содержим в чистоте, то тем более должен быть омытым тот стол, па котором предлагается нам божественная пища. И, прежде всего престол омывается чистою, теплою, освященною знамением креста водою с душистым мылом, а потом окропляется и очищается соединенною с красным вином розовою водою для того, чтобы придать престолу чистоту и благовоние свойственные святыне, а вместе для изображения крови и воды, истекших из прободенного ребра Спасителя, так как для воспоминания великой жертвы голгофской и предназначается освященный престол.

Как бы в соответствие с миропомазанием, совершаемым над

православными христианами после крещения, престол после омовения миропомазуется, в ознаменование осенения его благодатию Святаго Духа, и как в Таинстве Миропомазания помазуются миром различные части тела, так и при освящении храма святитель изображает миром три креста на престоле (где во время Литургии поставляется Евангелие, дискос и чаша) и на каждой стороне престола, дабы таким образом оградить эту святыню со всех сторон.

По омовении и помазании святым миром, на престол возлагаются священные одежды, окропленные святою водою: нижняя белая (срачица), изображающая плащаницу, в которую при погребении обвито было пречистое тело Господа, и верхняя, богато изукрашенная, одежда (индития), изображающая божественную славу Царя небесного, на престоле почивающего.

Поверх нижней одежды престол троекратно опоясывается вервю в знаменование тех уз, в которых веден был Спаситель на беззаконное судилище первосвященникам; престол обвязывается вервю так, чтобы на каждой стороне его образовался крест, как образ и страданий, и небесной славы Богочеловека.

На облаченный таким образом престол возлагается в особом платке (илитоне), как бы в гробных пепенах, святой антиминос, затем крест – образ Распятого за нас, Евангелие, излагающее жизнь и спасительное учение Господа нашего, и, наконец, поставляется и св. ковчег как гроб Христов, в котором сохраняются Святые Дары для приобщения больных.

После устроения и освящения престола облачается в священные одежды и жертвенник, на котором совершается проскомидия, и вместе с этим освящают все сосуды и предметы, употребляемые при богослужении. (См. «Проповеди», приложение к журналу «Руководство для сельских пастырей», 1893 г., август).

б) Освящение самого храма совершается чрез каждение, кропление св. водой и помазание миром (последнее бывает только в том случае, когда храм освящается архиереем; при освящении же храма священниками миром не помазываются ни стены, ни престол, потому что это действие заменяется архиерейским миропомазанием антиминоса). Происхождение, а равно и значение каждения, окропления св. водой и помазания миром стен храма то же, что и в отношении к престолу.

Следующее затем по порядку действие есть возжжение самим архиереем не возжженной свечи и поставление ее на горнем месте возле престола, что Симеон Солунский объясняет так: «Иерарх возжигает светильник с елеем своими руками и поставляет его при освященной

трапезе в честь ее, потому что она есть истинный жертвенник Христов и образует всю Церковь Христову сияющую светом благодати и подающую сей свет всему миру²⁴.

Далее следует крестный ход со св. мощами (при освящении без архиерея – с антиминомом) вокруг храма с пением тропарей в честь мучеников.

По окончании крестного хода архиерей пред западными дверьми возглашает: «Возмите врата князи ваша и возмיתесь врата вечная и внидет Царь славы». Певчие внутри храма, за затворенными дверями, вопрошают трижды: «Кто есть сей Царь славы?» (Пс. 23:7–8). По прочтении положенных молитв, архиерей словами того же псалма отвечает: «*Господь сил, той есть Царь славы*».

При пении этих ответных слов крестный ход направляется в храм, к престолу, и здесь мощи полагаются под престол в особом ковчеге. Как самый крестный ход, так и положение св. мощей под престолом напоминают первые времена христианства с гонениями на него, с богослужением в пещерах и катакомбах на гробах мучеников. Обычай, образовавшийся во времена неблагоприятные, получил силу закона: в последующее время и при изменившихся обстоятельствах храмы устроились на гробах мучеников, а с умножением верующих и увеличением количества храмов, при отсутствии мученических гробниц, христиане стали переносить останки святых из других мест и полагать их под престол, о чем свидетельствуют св. Амвросий Медиоланский и др. Правило 94-е Карфагенского собора гласит: «Повсюду на полях и вертоградах поставленные якобы в память мучеников алтари, при которых не оказывается положенным никакого тела или части мощей мученических, да разрушатся, аще возможно, местными епископами». Отцы VII Вселенского собора правило 7-м постановили: «Аще которые честные храмы освящены без святых мощей мученических, определяем: да будет совершено в них положение мощей с обычною молитвою. Аще же отныне обрящется некий епископ, освящающий храмы без св. мощей, да будет извержен яко преступивший церковные предания».

Считая необходимым положение св. мощей в храме, св. отцы, однако, опасались полагать эту святыню в самом престоле, потому что христианские храмы нередко подвергались нападениям и разграблениям еретиков и язычников. Для сохранения св. мощей они установили употребление, кроме престолов неподвижных, других – подвижных, так называемых антиминомов (вместопрестолов), в которые влагались св. мощи. Кроме этого побуждения к введению антиминомов было и другое.

Храмы, по древнему преданию Церкви, должны быть освящаемы архиереями. Но так как архиерей часто не имел возможности лично освятить все храмы своей епархии то предоставлял это право иереям, а сам освящал только полотна (антиминсы) с изображением на них положения во гроб Иисуса Христа и отправлял их во вновь освященные храмы. Феодор Вальсамон в объяснении 31 правила Трулльского собора говорил: «Антиминсы уготовляются от сущего во области архиерея, для времени освящения церквей, дабы они полагаемы были на святых трапезах в храмах, чтобы чрез то известно было, что священнодействие в храме по дозволению епископа». Такова строгость правил относительно присутствия св. мощей в храме: без мощей нет храма. Походные храмы – и те имеют на престоле мощи в антиминсе.

Что касается слов «возмите врата князи ваша» и следующих, то Иустин Философ объясняет их так: «Когда Христос воскрес из мертвых и восходил на небо, тогда повелено установленным от Бога на небесах князьям (т. е. архангелам или другим начальникам ангелов) отверзать врата небесные, да внидет Тот, Который есть Царь славы... Но поелику сущие на небесах князи прежде зрели Его, имеющего вид безобразен, бесчестен и бесславен, то они, как бы удивляясь таковому страшному Его зраку, вопрошали: “Кто есть сей Царь славы?” И Дух Святой от лица... Своего или Бога Отца отвечает им: “Господь сил, Той есть Царь славы” (“Новая скрижаль”, ч. III, гл. 8, § 19). Подобное этому повторяется и теперь при внесении св. мощей в храм. Храм есть селение Господа сил, новое небо. В него входит Господь, имеющий вид бесславный, как погребенный мертвец, изображенный на антиминсе.

Из рассматриваемого чина видно, что для освящения храма совершается то же, что и для освящения верующего. Подобно оно Крещению и Миропомазанию, с тою разницею, что освящение, совершаемое над людьми, над верующими, есть Таинство, а освящение храма таинством не именуется, хотя чрез священнодействия освящения вещественный храм получает дух и жизнь. Находящиеся в храме под престолом и в антиминсе св. мощи видимо свидетельствуют об особенном там присутствии Божиим, уверяют в ходатайстве св. мучеников за нас пред Богом и, придавая бодрость живущим, вселяют в сердца их чувства умиления и радости.

III. Таков, братия, глубоко поучительный чин освящения храмов Божиих.

Приложение к беседе №11

А. Историческая заметка о древности освящения храмов

Первое светлое торжество освящения храма, записанное в летописях Церкви, совершилось в Иерусалиме – на месте страданий и смерти Богочеловека. Ненависть иудеев и язычников желала изгладить и вовсе истребить из памяти христиан эти священные места. Огромные кучи земли, снесенные, по словам Евсевия, неизвестно откуда, закрыли надолго Голгофу и гроб Христов, и над ними, по повелению императора Адриана, возникло капище в честь Венеры; но, по воле Промысла, все это послужило только к безошибочному указанию и всецелому сохранению до лучших времен сих святых памятников христианства. Константин Великий очистил их от всех нечистот языческих и воздвиг над гробом Господним великолепный храм Воскресения, для освящения которого пригласил целый собор восточных епископов, сошедшийся в Тире, – так, как, впоследствии времени, сын его Констанций пригласил всех отцов, бывших на соборе в Антиохии, для освящения в ней великолепного храма, начатого отцом его. Евсевий подробно описывает торжество освящения первого из сих храмов. «Священники Божии, – говорит он, – украшали торжество частью поучениями, частью молитвословиями. Одни восхваляли пламенную любовь к Спасителю благочестивейшего императора; другие из священных догматов богословия, приличных настоящему празднеству, устроили как бы духовный пир для многочисленных слушателей; иные, наконец, истолковывали места из Св. Писания, объясняли и указывали в них таинственный смысл».

Подобные светлые торжества совершались при Константине и преемниках его и во многих других городах, в которых благочестие императоров созидало новые храмы или же обращало общественные здания (базилики) и языческие капища в христианские церкви. «То было, – по словам Евсевия, – поистине восхитительное и вождеденнейшее зрелище!» («Церковная история», 10, 3).

Впрочем, не должно думать, что самый обряд освящения храмов вошел в обыкновение Церкви только со времени умирения ее при Константине Великом; напротив, он едва ли не современен апостолам, в Посланиях которых уже ясно отличается от домов обыкновенных церковь, посвященная Богу (1Кор. 11:22). Первая христианская Церковь – горница Сионская, конечно, не имела нужды в особом освящении, после того как Сам Спаситель учредил в ней святейшее Таинство Евхаристии и Дух

Святой сошел в ней на апостолов в виде огненных языков. Но по мере быстрого увеличения числа верующих самая необходимость заставляла устраивать или же отделять в домах особые места для священных собраний и богослужения. Обыкновение ветхозаветной Церкви освящать посредством молитвословия и священных обрядов общественные здания (3 Цар. гл. 8; Неем. 12:27), обычай самих христиан освящать все, даже и пищу свою «словам Божиим и молитвою» (1Тим. 4:4–5), наконец, самые торжественные повсюдные освящения церквей в IV веке, не предписанные, впрочем, и не узаконенные никакими ни соборами, ни отцами и, следовательно, опиравшиеся только на древнее общеизвестное предание и употребление, – ведут к той мысли, что начало этого обыкновения надобно относить к апостольской Церкви; только, очевидно эти освящения, по стесненным обстоятельствам Церкви, в первые три века не могли иметь никакой явной заметности торжественности, и, может быть, поэтому подробности их не сохранены для нас писателями сих веков. Впрочем, из свидетельства Дионисия Ареопагита и Григория Нисского видно, что, как теперь и в первенствующей Церкви св. трапеза в храме составляла главный предмет освящения и знаменательных обрядов (Дионисий «О церковной иерархии», гл. 4). «Алтарь, которому мы предстоим, – говорит Григорий Нисский, – по составу и веществу своему ничем не отличается от мрамора и плит, из которых устроены стены в домах наших; но поелику он предназначен для богослужения, освящен и получил особое благословение, то называется святою трапезою и пречистым алтарем, к которому никто, кроме священнодействующих, не может приступить» («Слово о крещении»).

Трудно указать, в какое именно время окончательно составлен «Чин освящения церкви». Гоар (Euchol. 666) называет его просто: *per antiquus ordo*. Замечательно, что, несмотря на значительное уклонение латинской Церкви от древнего православного учения и обрядов, чин освящения храмов, употребляемый в ней, сходен с тем, который употребляет и Православная Церковь, и притом не только в главных чертах, но и во многих подробностях. Это ведет к тому заключению, что он существовал в настоящем своем составе еще до отделения Западной Церкви от Восточной в IX веке.

Б. Как освящаются иконы?

В общеупотребительных «Требниках» – Малом и Большом – нет никаких указаний относительно освящения икон, а потому некоторые священники иногда недоумевают: каким освящать новые иконы?

Недоумения относительно способа освящения новых икон возникают у некоторых священников, очевидно, вследствие незнания их с так называемым «Дополнительным требником» и неимения этого «Требника» под руками. Между тем в «Дополнительном требнике», изданном Киево-Печерскою Лаврою (в 1863, 1866 и 1871 г.) с благословения св. Синода и преосвященного Арсения, митрополита Киевского и Галицкого, содержится несколько чинов освящения икон. Так, есть особый «чин благословения и освящения новосооруженного креста»; положен особый «чин благословения и освящения иконы Пресвятыя и Живоначальныя Троицы»; указан особый «чин благословения и освящения иконы Христовы, праздников Господских, единыя или многих»; есть особый «чин благословения и освящения иконы Пресвятой Богородицы, единыя или многих»; изложен и «чин благословения и освящения иконы святого единого или многих». Все эти чины по своему внешнему порядку сходны между собою, хотя по содержанию и различны. Внешний порядок всех этих чинов такой: иконы, которые должны быть освящены, полагаются на столе, «честно покровенном», и священник, облачившись в епитрахиль и фелонь и крестообразно окадив новые иконы, совершает обычное начало – произносит: «Благословен Бог наш»; по обычном начальном возгласе поется «Царю небесный», читается «Трисвятое», «Отче наш», «Господи помилуй» 12 раз, «Слава, и ныне» и «Приидите, поклонимся» трижды; затем полагается один или несколько избранных псалмов, две молитвы, произносимые священнослужителем (первая вслух, а другая тайно), совершается тоекратное окропление иконы св. водою с произнесением слов: «Освящается крестное сие знамение, (или образ, или икона), благодатию Пресвятаго Духа, окроплением воды сия священныя, во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь»; по окроплении иконы св. водою, бывает крестообразное каждение пред нею, а затем, при пении избранных стихир или тропарей, – земное поклонение пред иконою и целование ее, и наконец – отпуст. Как псалмы, так и молитвы, стихиры, тропари и отпусты по своему содержанию применены к тем именно иконам, какие освящаются. Входит в подробное и точное изложение всех этих псалмов, молитв и песнопений не позволяют нам ограниченные пределы нашей

заметки, да и по существу дела нет нужды в таком изложении. Своею настоящею заметкою мы желали бы только указать священникам, недоумевающим относительно способа, освящения икон, на необходимость заpastись «Дополнительным требником», в котором изложены разные чины освящения тех или других икон. (См. «Руководство для сельских пастырей», № 14, 1884 г, апрель, стр. 335–336).

Беседа № 12. Об обряде пострижения в малую и великую схиму

I. Ныне побеседуем, братие, о трогательных обетах, произносимых при вступлении в иночество. Вы увидите из них, какие добродетели требуются от инока и сколь священно и назидательно миру лицо его, когда, по мере слабых сил человеческих, исполняет он долг своего звания; вы увидите так же, – и может быть не без изумления, – что отречения монашеские не многим разнятся от тех обетов, какие дает каждый христианин при Святом Крещении, потому что, кроме безбрачия и девственности, которая присвоена иночеству как высшая добродетель, процветшая в мире только со времен Спасителя, и кроме исключительного упражнения в посте и молитве, все остальное – смирение, целомудрие, послушание, преданность Христу Богу – требуется от инока наравне с каждым христианином. На всех одинаково лежит легкое иго Христово, и пребывание наше в мире не может служить извинением в тяжких отступлениях от заповедей Божиих.

Трехлетний искус, или степень послушника, служит вступлением в монашескую жизнь, чтобы желающие ее прежде испытали свои силы и тогда уже произнесли невозвратные обеты. Есть еще и другая приготовительная степень: прежде совершенного пострижения облачают иногда послушника не в полное одеяние инока, с установленными молитвами, что называется рясофорам, т. е. ношением рясы, дабы, в ожидании полного иночества, он еще более утверждался на избранном пути. Самое иночество включает в себе две степени – *малый и великий образ* (по-гречески – *схима*), потому, что чистое житие инока дает ему ангельский образ па земле; но название схимника обычаем исключительно присвоено у нас только инокам высшей степени, весьма малочисленным, которые, памятуя совершенное свое отречение и уже живя мыслию за гробом, большею частью предаются безмолвию и затвору.

II. а) Когда наступит день желанного пострижения в малую схиму, готовящийся брат пред началом Литургии, приняв благословение игумена, слагает с себя обычные одежды на паперти церковной и стоит в преддверии в одной власянице, без пояса и обуви и покрова, в знак своего разрешения от мира; по входе с Евангелием и пении антифонов, вся братия с возжженными свечами исходит за ним, как бы в сретение кающемуся сыну евангельской притчи, и поет умиленным напевом: «Объятия отча отверсти ми потщися, блудно иждих мое житие, на богатство

неизживаемое взирая щедрот Твоих, Спасе, ныне обнищавшее мое сердце не презри. Тебе бо, Господи, во умилении зову: согреших, Отче, на небо и пред Тобою».

В дверях царских, как бы во вратах отеческого дома, встречает игумен трижды припадающего брата и творит ему краткое увещание, чтобы он отверз ушеса своего сердца, внемля гласу Господа, зовущего воспринять Свое легкое иго, и помнил бы, когда со страхом и радостью будет давать обеты, что Сам Спаситель, и Его Матерь, и все небесные силы внимают словам его, которые отзовутся ему в последний день воскресения.

Тогда игумен вопрошает: «Что пришел еси, брате, припадая ко святому жертвеннику и святой дружине сей?» и вняв ответу: «Желая жития постническаго, честный отче», опять спрашивает: «Желаеши ли сподобитися ангельскаго образа и вчинену быти лику монашествующих?» – «Ей, Богу содействующу, честный отче», – смиренно отвечает послушник; игумен же одобряет его благое намерение сими словами: «Воистину добро дело и блаженно избрал еси: но аще и совершиши е; добрая бо дела трудом стяжываются и болезнию исправляются».

Но не довольствуясь произвольным пришествием нового подвижника и его первым сознанием, он еще испытывает подробно: «Вольною ли мыслию приступает к Богу, а не от нужды и насилия? пребудет ли в монастыре и постничестве даже до последнего издыхания? сохранит ли себя в девстве и целомудрии и благоговении и в послушании к настоятелю и братии? и потерпит ли всякую скорбь и тесноту жития монашеского, ради царствия небесного?» И на все сие слышит тот же смиренный ответ, исторгаемый сознанием своей немощи и упованием небесной силы: «Ей, Богу содействующу, честный отче».

После столь искреннего сознания, удаляющего уже всякую тень сомнения о доброй воле постригающегося, игумен подает ему благие советы, объясняя в чем состоит житие иноческое. Он полагает основанием его чистоту, смиренномудрие и совершенное самоотвержение, предостерегает о искушениях, какие воздвигнет на воина Христова враг человеческий памятью прежнего жития, и предлагает ему в пример святых мучеников и Самого обнищавшего нас ради Господа и, наконец, еще однажды спрашивает: «Обещается ли пребывать в сих обетах, даже до конца жизни, по благодати Христовой?»

«Ей, Богу содействующу», – снова отвечает подвижник; игумен же, вспоминая молитвенно благоутробие щедрого Бога, рекшего Израилю: «Аще бы и жена забыла исчадие свое, аз не забуду тебе», укрепляет дух нового брата обетованием небесной силы в подвигах духовных, утешения

Святого Духа и части святых Антония, Евфимия, Саввы и сущих с ними во Христе Иисусе.

Он велит преклонить голову сперва ему, потом и всей братии и молит Господа, призвавшего достойными Себе служителями тех, кои оставили все житейское, и показавшего нам различные пути ко спасению, – оградить и сего раба Своего силою Святого Духа, принять его чистую жертву Богу и, с отъятием власов его, отъять и всякую похоть бессловесную, сподобив его легкого Своего ига, и соблюдения святых заповедей, и сопричтения к лику избранных.

Тогда, указывая ему на Святое Евангелие, лежащее на аналое, как на самое присутствие Христова, напоминает, что по собственной воле хочет он обручения великого и ангельского образа; это подтверждает сам постригающийся и, по повелению настоятеля, трижды подает ему ножницы от Святого Евангелия. Игумен же говорит: «Се от руки Христовы приемлещи и; виждь Кому сочетаеши, к Кому приступаеши и кого отрекаеши», и в третий раз, приняв из рук его ножницы, с благословением имени Божия постригает власы ему крестообразно, во имя Пресвятой Троицы.

При тихом пении всей братии: «Господи помилуй» начинается облачение новаго инока в одежды его сана рукой настоятеля, объясняющего постепенно их духовное значение, с призыванием имени Триединого Бога. «Брат наш, – говорит он, – облачается в хитон вольныя нищеты и нестяжания: приемлет парамант, во обручение великого образа и знамение Креста Господня, на свои перси; одевается одеждою радости духовной; препоясует чресла свои силою истины, в умерщвлении тела и обновление духа; покрывается шлемом надежды спасения и покрывалом послушания; приемлет (мантию) ризу спасения и броню правды; обувается в сандалии во уготовление благовествования мира; приемлет меч духовный, иже есть глагол Божий», и наконец: «Брат наш приял обручение великого ангельского образа, и облекся во все оружия, во имя Отца и Сына и Святого Духа»; но при каждом облачении он просительно обращается к братии: «Рцем о нем: Господи, помилуй»!

Тогда настоятель, с молитвою, дает крест в правую руку инока, напоминая ему слова Христовы: «Рече Господь: аще кто хочет последовать Мне, да отвержется себе и возмет, крест свой и да последует Мне».

Он дает ему и возжженную свечу, с которою должен стоять всю Литургию, до своего причащения, у иконы Спасительной, и опять произносит: «Рече Господь: тако да воссияет свет ваш пред человеки, яко

да видят ваша добрая дела и прославят Отца вашего, Иже на небесех».

Облачив же совершенно нового инока, молится, чтобы Господь ввел раба Своего в духовный Свой двор, сопричел к словесному Своему стаду; очистил его мудрование от плотских похотей и дал бы ему непрестанно воспоминать блаженство, ожидающее любящих Бога и распявшихся житием монашеским ради Царствия Небесного. (См. «Письма о богослужении», А. Муравьева, изд. 1882 г.).

б) Тот же самый порядок вопросов, увещаний и молитв наблюдается и при пострижении в великую схиму; но по важности сего высшего ангельского образа есть разность в некоторых молитвах и увещаниях, которые пространнее, будучи приспособлены к духовным нуждам схимника, а в облачении есть изменение: вместо клобука надевают на него куколь незлобия и потом еще аналав, подобный священнической епитрахили, с крестами. Особенный канон положен также на утрене для пострижения, и трогательны самые антифоны, которые должен произносить приемлющий схиму, когда вступает в церковь: «Хотех слезами очистити моих грехов рукописание, Господи, и прочее живота моего благоугодити Тебе, но враг льстит мя и борет душу мою; Господи, прежде даже до конца не погибну, спаси мя».

«Кто обуреваем и притекаяй к пристанищу сему не спасется? или кто, болезнуя и припадая ко врачевству сему, не исцелее? Создателю всех и Врачу недужных, Господи, прежде даже до конца не погибну, спаси мя».

«Овча есмь словеснаго Твоего стада, и к Тебе прибегаю, Пастырю доброму, взыщи мя заблудшаго, Боже, и помилуй мя».

Когда пострижение иноческое не совершается во время Литургии, то и тогда, после облачения нового брата и краткой ектении диакона о его благосостоянии духовном и пения крещального стиха: «Елицы во Христа крестистесь, во Христа облекостесь, аллилуия», читается, во услышание его, Апостол и Евангелие. Св. Павел, в Послании своем к Ефесеям (9:10–17), научает, какова духовная брань наша и как должны мы сражаться: «Братия мои, укрепляйтесь Господом и могуществом силы Его. Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней диавольских, потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных. Для сего примите всеоружие Божие, дабы вы могли противостать в день злый и, все преодолев, устоять. Итак, станьте, препоясав чресла ваши истиною и облекшись в броню праведности, и обув ноги в готовность благовествовать мир; а паче всего возьмите щит веры, которым возможете угасить все раскаленные стрелы

лукавого; и шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть Слово Божие»

И евангелист Матфей, проповедуя самоотвержение, именем Христовым, зовет к Нему нового подвижника: «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня. Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим» (Мф. 10:37–38; 11:28, 30).

Братия, приветствуя целованием мира нового своего сподвижника, поют: «Познаем, братия, Таинства силу: блудного сына, от греха востекшего к отчому дому, преблагий отец, встретив, лобзает и вновь дарует ему познание своей славы, и совершает таинственное с горними пиршество, закалая тельца упитанного, дабы мы достойно сожительствоваали и предавшему его на закление, человеколюбивому Отцу, и славной сей жертве – закалаемому Спасу душ наших». (См. «Письма о богослужении», А. Муравьева, изд. 1882 г.»).

III. Таков, братие, трогательный и вместе высокопоучительный обряд пострижения в малую и великую схимы. Да пробудит он у нас, по крайней мере, чувства любви к Богу, отрешенности от рабского служения плоти, миру и диаволу и да побудит он нас чаще размышлять об обетах крещения и будущей жизни.

Приложение к беседе № 12

А. О происхождении иночества

По примеру великого пустынножителя пророка Илии, удостоившегося видеть славу преображения на Фаворе, и по примеру Иоанна Предтечи, большего из всех рожденных женами, по словам Самого Христа, начали уединяться первые отшельники христианства, чтобы, вдали от искушений и напастей языческого мира, молитвенно созерцать Господа, подобно ангелам на небесах. Они последовали совету апостола Павла, который, предвидя скорби истинных христиан, представил сам себя в пример отречения от мира: Я вам сказываю, братия: время уже коротко, так что имеющие жен должны быть, как не имеющие; плачущие, как не плачущие; и радующиеся, как не радующиеся; и покупающие, как не приобретающие; и пользующиеся миром сим, как не пользующиеся; ибо проходит образ мира сего. А я хочу, чтобы вы были без забот. Неженатый заботится о Господнем, как угодить Господу; а женатый заботится о мирском, как угодить жене. (1Кор. 7:29–33).

Отселе любовь к целомудрию и возвышенность духа над всеми преходящими благами, и разрешение от всех мирских уз или, по крайней мере, пламенное желание сей духовной свободы, были всегда первыми стихиями монашеского быта. Есть люди, в которых, по особенной благодати Божией, влечение ко всему божественному, священному и вечному столь живо, что они, кажется, только легкою нитию придерживаются временного и конечного; тогда собственно духовная природа человека столь резко в нем проявляется, что противоположная ей умирает уже почти в сей жизни, и самая жизнь, по словам апостола, сокровенна со Христом в Боге. Такого рода люди не принимают решительного намерения отказаться от всего временного, чтобы заняться вечным; безбрачие, строгое воздержание в пище, удаление от житейских наслаждений, не служат для них средством к достижению чего либо высшего по духу; нет, они уже сами находятся в сем высшем состоянии, которое так преисполняет их сердце, так удовлетворяет всем их желаниям, что они, сами по себе, непринужденно воздерживаются от всего, так называемого житейского, и внешний образ их жизни есть только выражение внутреннего их расположения. У большей части христиан, в течение жизни, бывают иногда минуты, в которые благочестивая деятельность овладевает внутренним человеком до такой степени, что все телесные потребности умолкают и как бы не действуют. То, что со многими случается редко, с немногими же чаще, то самое, у некоторых

избранных, бывает обычным.

Таковы были Антоний Великий, Пахомий, оба Макария, и другие основатели жития иноческого в пустынях Египта; таковы, и в каменистых ущельях Палестины, Иларион, Евфимий, Феодосий, Савва, не считая прочих великих отшельников. Святые мужи эти отличались не только глубоким знанием вещей божественных и великим благочестием, но и, по выпренности своего духа, но подчиненного внешним впечатлениям, они имели ясный взгляд на предметы и разум благих советов, некоторые же еще и дар чудес и сверхъестественную силу исцелений и прозрение будущего. К ним, как к избранным друзьям Божиим, стекались из далеких стран народы, привлекаемые свойственным каждому уважением ко всему священному и великому, и многие последовали их примеру. Между такими подражателями некоторые имели истинное расположение к иноческой жизни, но это, не совсем ясное в них чувство требовало еще образования и развития, ибо внутреннее их духовное богатство не могло само достигнуть совершенства; получив же однажды направление, они уже твердою стопю шли по новому, выпренному пути. Таким образом, вокруг уединенных келий первых отшельников, образовались постепенно *скиты*, то есть места подвигов духовных, и обширные *лавры*, как бы венец их, по самому наименованию, и ими наполнились вскоре Египет и Сирия. В четвертом столетии, самом цветущем для иночества, св. Василий Великий, архиепископ Кесарии, прошедший многие годы в уединении, после продолжительного учения в Афинах, и посетивший обители пустынножителей, написал, сходно с их уставами, правила монашеской жизни для отшельников своей Каппадокийской епархии, отколе распространились они во всю Восточную Церковь, вместе с обрядами Литургии и другими канонами сего величайшего иерарха. Святая гора Афонская и монастырь Студитов в Константинополе сохранили, во всей строгости, устав иноческий вселенского учителя, и в совершенной чистоте передали Церкви Российской, когда, во времена великого князя Изяслава, в XI веке, первые пустынножители наши, Антоний и Феодосий Печерские, пожелали устроить, по образу их, свою новую обитель в лесах и в пещерах Киева, оттоле развилось иночество по всей России, и всегда было украшением и спасением отечества во дни его славы и бедствий (См. «Письма о богослужении», А. Муравьева).

Б. Историческая заметка о происхождении монашеского кукуля, или клобука

Монашеский кукуль ²⁵ был употребляем монахами еще в очень давние времена. Уже преп. Ефрем Сирий в своей «Жизни Марии» говорит о том, что длинная камилавка способствовала человеку к покрытию своего лица (гл. 5). О нем упоминает и бл. Иероним, говоря, что св. Илларион повелел погрести себя в тунике и кукуле. Кукуль носили Симеон и Даниил столпники. Сидоний Аполлинарий (западный писатель) в одном из своих писем также упоминает о косматом ночном кукуле, которым удобно покрывалось тело и во время молитвы, и во время сна. Отсюда видно, что кукулем называлось не только покрывало на голову, а более широкая одежда.

Но собственно кукуль есть не иное что, как употреблявшееся в древности покрывало для детской головы. Что касается теперь усвоения его монахами, то в объяснение этого нужно привести себе на память то обстоятельство, что монахи этим хотели выразить свое желание подражать искренности и невинности новорожденных младенцев. Такое именно значение этому предмету дает преп. Кассиан («Об одеянии монахов», гл. 4). Авва Дорофей проводит эту мысль еще далее, говоря, что кукуль дан как символ божественной благодати: подобно тому как он покрывает и оберегает голову младенца, так благодать Божия охраняет наш ум, его чистоту и невинность.

Кроме того, в употреблении кукуля монахами можно видеть и знак смирения, если принять во внимание дешевый материал, из которого он делается, и еще то, что этою одеждою, доходившею иногда до колен, пользовались в древности рабы и бедняки (подобными покрывками пользуются кое-где пастухи еще и теперь для защиты от дождя и холода).

Римский поэт Марциал, сетуя на несправедливость судьбы, отнес черный кукуль к рабским одеждам. «Мевий, отличный человек и поэт, – говорит он, – должен довольствоваться по своей бедности только пастушеским кукулем, тогда как погонщик мулов, смотритель за любимую Калигулы лошадью, одевался в блестящее алое платье». Точно так же Тацит упоминает о том, что Нерон для того, чтобы не быть узанным, переряживался во время своих ночных странствований по городу в одежду раба – в черный паллиум – и покрывался кукулем. Также Капитолин и Лампридий сообщают, что подобное средство употребляли Вер и Гелиогабал. Притом эту одежду, по словам Ювенала, носили и варвары –

галлы. Вероятно, кукуль был усвоен и монахами из желания показать свое низшее положение и смирение пред Богом, вместе с тем и свою независимость от мира, так как монах, сделавшись рабом Божиим, уже презирает мир. Бл. Иероним, впрочем, указывает еще как на причину употребления кукуля – нежелание монахов видеть, как кто ест из них.

Материя для клобуков повсюду употреблялась дешевая, хотя и довольно разнообразная. Так, изображения монахов из монастыря Сузы, в Константинополе, имеют головную покрывку из льна. Созомен сообщает, что товесийские монахи носили шерстяные клобуки; по словам Палладия, эти клобуки имели на себе пурпурного цвета кресты. На основании одного из писем Аполлинария Сидония можно думать, что на западе употребляли толстые, косматые шерстяные клобуки для защиты от зимнего холода. Клобук св. Даниила Столпника, по словам его актов, был сделан из кожи.

Относительно древней формы клобука сообщает сведения Никифор. Евагрий называет его тиарою, откуда ясно, что он имел конусообразную форму. И самое слово кукуль употреблялось собственно о папирусных футлярах пирамидальной формы, в которые продавцы красок и ароматов завертывали свои товары.

Долгота кукуля в разных местах была различная, как мы об этом уже упоминали. Кассиан говорит, что он спускался только на шею и плечи, Бенедикт Ансенский впоследствии нашел, что некоторые монахи носили кукули до пят, и поэтому нашел себя вынужденным определить для всех своих подчиненных мерку кукуля в два локтя, так чтобы он не спускался ниже колен. Эта длина кукуля подтверждена была впоследствии в 1 м прибавлении к капитуляриям королей франкских (сар. 21).

Нужно заметить, что кукуль употреблялся и монахинями с самых древних времен. Об этом уже упоминает св. Афанасий в книге «О девстве» и Палладий в своем «Лавсаике» (гл. 41). Блаж. Иероним также говорит, что в его время многие девственницы носили кукули, чтобы этим показать свое смирение. «Есть и такие – пишет он к Евстахии, – которые одеты во власяницы и, сделавши наглавники, чтобы возвратиться к девству, подобны совам и филинам». Ею, как ясно из приведенных слов Иеронима, это ношение кукуля монахинями не было общим обычаем на Западе.

1 Лихим, преимущественно, считают чёрный глаз. Черный глаз признается опаснее серого или голубого не только у нас, русских, но и у многих других народов, придерживающихся веры в сглазивания. Так, например, в Испании и Италии особенно боятся цыганского глаза. (Забелин, «Русский народ», стр. 260).

2 Властаря под буквою Ф.

- 3 В беседе на Сретение.
4 Молитва 4-я в 40-й день.
5 «Четьи-Минеи», июль.
6 «О единстве Церкви».
7 «Сочинения» ч. 2, стр. 166.
8 «О единстве Церкви».
9 Об обрядах после Крещения, – соответствующих нынешнему
воцерковлению.
10 Св. Ириной, кн. 5, гл. 20.
20 «Об идолопоклонстве», 20.
-

Примечания

¹¹ - Св. Димитрия Ростовского «Сочинения», ч. 2, стр. 116.

¹² - Кстати заметим здесь, что по некоторым древним, греческим Требникам (см. Гоара «Евхологмон»), иерей, входя с младенцем в алтарь. должен говорить: «Господу единому послужиши»; и притом входить туда со светильником, который по изъяснению св. Григория Богослова («Слово о крещении»), «служит символом тех свещ, с которыми мы сретим Господа».

¹³ - Кн. 5, гл. 20.

¹⁴ - В «Требнике» гл. 23.

¹⁵ - Первого Вселенского собора 13-е, правило, Анкирского собора 6-е правило.

¹⁶ - На Деян. Апост., нравоуч. 3-е.

¹⁷ - Григорий Двоеслов. «О жизни италийских отцов» кн. 2, гл. 6; также Четы-Минеи» и «Пролог» под 26 июня; см. «Воскресное чтение» год 23, стр. 201.

¹⁸ - «Свод законов» том 15, ст. 1208, об очистительной присяге.

¹⁹ - «Иудейские Древности». кн. 9, гл. 7,4.

²¹ - Служба в день Пятидесятницы, стихира.

²² - Кто был писателем этого акафиста, столь возвышенного по своему содержанию и предмету и столь уважаемого усердием благочестивых христиан, и когда именно явился он в Церкви Православной, это, к сожалению, с точностию определить невозможно. По крайней мере знаем, что он перешел к нам от греков, в числе других священно-церковных чинопоследований, и – следовательно – как у нас, так и у греков читается издавна церковным употреблением. По сходству с умильными канонами Иисусу Христу Иоанна, митрополита Евхаитского (XI в.), акафист сей может быть причисляем к творениям сего последнего, – хотя вполне так же тоном своим и изложением соответствует и тому канону, который обыкновенно полагается у нас при сем акафисте, с именем Феоктиста Студийского. В этом последнем случае можно разве только заметить, что канон этот ранее акафиста явился в составе богослужебных книг Греческой Церкви (См. «Историческое обозрение богослужебных книг Греческой Церкви», под заглавием «Часослов великий»).

²³ - Для отвращения от языческих и иудейских суеверий св. отцами Трулльского собора, между прочим, и постановлено было в начале

каждого месяца совершать водоосвящение и окроплять освященной водою дома (Толкование Вальсамона на 65 правило Трульского собора).

²⁴ - "До сего времени, – говорится в уставе, – во алтари свечи никаких не возжигати».

²⁵ - *Cucullus* – от греческого *κοκκός* – щит, отсюда сначала образовалось слово *cucis*, а потом от этого уменьшительное *cucullus*.

Содержание

Отдел 13. О церковных трудах протоиерей Григорий Дьяченко	1
Беседа №1. О молитве жене, повнегда родити отроча в первый день	2
Приложение к беседе № 1. Историко-догматическая справка по вопросу веры во вредное действие «лихого глаза» (по поводу второй молитвы, читаемой при постели родильницы)	4
Беседа № 2. О молитве жене, егда извержет младенца	9
Беседа №3. О молитвословиях в сороковой день по рождении младенца (воцерковлении)	12
Беседа № 4. О напутствовании больных	19
Приложение к беседе № 4	20
А. О важности напутствования умирающих	21
Б. О том, что во время болезни не следует опасаться приглашать священника для напутствования исповедию и приобщением Святых Таин	25
В. Решение недоумений относительно чина причащения больных	28
Беседа № 5. О присяге (о позволительности и важности присяги)	30
Приложение к беседе № 5.	36
А. Изречения слова Божия о ложной клятве	37
Б. Рассказы о наказании Божиим за ложную клятву	38
Беседа № 6. О молебных пениях на разные случаи	40
Приложение к беседе №6.	43
А. Историческая справка о древности молебствий	44
Б. Молебное пение при начатии учения отроков	45
В. Чин освящения (при основании) нового дома	49
Г. Чин благословения нового дому, в нем же хочет кто вселиться	52
Д. Литии во время общественных бедствий	55
Е. О благочестивом обычае в нарочитые праздники принимать священников со Крестом и св. водою для молебствия в домах	57
Беседа №7. Об акафисте	60
Приложение к беседе № 7.	62

А. Акафист Божией Матери	63
Б. Акафист Иисусу Сладчайшему	65
Беседа № 8. О чине водоосвящения (малого)	70
Беседа № 9. О последовании молебном о немощных, обуреваемых от духов нечистых и стужаемых	74
Приложение к беседе № 9. О так называемой экзордии (или о молитвах на изгнание бесов)	76
Беседа № 10. О чине, бываемом при основании церкви и водружении креста	80
Беседа № 11. Об освящении храма	83
Приложение к беседе №11	87
А. Историческая заметка о древности освящения храмов	88
Б. Как освящаются иконы?	90
Беседа № 12. Об обряде пострижения в малую и великую схиму	92
Приложение к беседе № 12	97
А. О происхождении иночества	98
Б. Историческая заметка о происхождении монашеского кукуля, или клобука	100
Примечания	103